

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Убийство
в состоянии
аффекта

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Убийство в состоянии аффекта

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Убийство в состоянии аффекта / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

Из окна выбросилась молодая девушка. Казалось бы, что может заинтересовать Генеральную прокуратуру и «важняка» Александра Борисовича Турецкого в этом трагическом, но заурядном происшествии?.. Бывший сотрудник Службы внешней разведки в состоянии аффекта убил своего бывшего сослуживца... Неожиданно для следователя по особо важным делам Турецкого эти два происшествия оказываются связанными. А невидимые нити от них тянутся к высшему руководству Российской Федерации...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Ужин начался в торжественном молчании. Жена руководила детьми, как опытный дирижер оркестром: кивками, едва заметными постороннему глазу знаками. Дочь Нина играла роль первой скрипки, она солировала – передвигала тарелки, подавала ложки, ножи и вилки, подсовывала под руку салфетки. Дети, подружки дочери, старались сидеть за столом чинно и вести себя как воспитанные девочки, впрочем, это не совсем получалось. Турецкий играл роль зрителя.

Папа устал! Он редко возвращается с работы до наступления темноты... Папе хочется отдохнуть... Папу нельзя беспокоить. Поддай папе хлеб! Убери локти со стола, не толкай отца. Молчи. После расскажешь. Милый, подложить еще? Соли достаточно? Нет, это не соль! Это был перец... Ничего, ничего, гарнир еще остался, я тебе заново положу. Не смейся над отцом!

С тех пор как в квартире сделали модный евроремонт и совместили кухню со столовой, Турецкий чувствовал себя инопланетянином на этой половине собственного жилища. Даже солонку он не мог отыскать без посторонней помощи. Профессиональное чутье не помогало идентифицировать солонку в ярко-зеленой дюшесной груше, стоящей на полке среди других пластиковых фруктов, в миру – перечницы, горчицницы, сахарницы, соусники и так далее...

Обилие в кухонном гарнитуре шкафчиков и навесных полок ставило Турецкого в тупик. Компьютерный пульт управления заставлял его усомниться в своих умственных способностях.

Турецкий не мог смириться с тем, что отныне духовка находится не на уровне пола. Он не мог хладнокровно смотреть, как цыпленок вертится на вертеле на уровне его груди. Когда жена пользовалась духовкой, ему хотелось вызвать пожарных. К тому же он не понимал, почему теперь они обедают не за нормальным, четырехногим, столом, а за гладильной доской. И почему сидеть приходится не на нормальных табуретах, а на паучках из металла, скрещенного с крошечным кусочком пластика. Вид этой мебели наводил на мысль, что конструктор втайне ненавидел человечество, а особенно его упитанных, объемных и жирных представителей.

Но страдать Турецкому приходилось молча. Жена и дочь были в полном восторге от новой обстановки. Однако засилье предметов, отравляющих жизнь нормальному мужчине, ставило Турецкого перед фактом женского заговора. И это в его доме!..

На прошлый день рождения дочь получила ролики и полную экипировку к ним. Разбито: суповой сервиз, зеркало, идиотский книжный стеллаж, одно колено, два локтя, один лоб (дважды) и единожды пришлось накладывать швы на голень. Зеркало удалось реанимировать, урезав наполовину.

За столом – гладильной доской оживленно перекликались подружки Нины:

– Отдай, это мое!

– Отвали.

– Я сказала, отдай! Корова!

– Придурок! Ай, мама, она меня ударила!

Шепотом:

– Стукачка.

– Дебилка.

Турецкий и его жена хором:

– Как ты разговариваешь с подругами?

– Она первая начала.

– Немедленно извинись перед Машей.

– Не буду! Пусть сначала отдаст мой плеер.

Как приятно вернуться пораньше с работы! Провести вечер с семьей... Ни тебе убийств, ни нервоврепки... Поужинать в спокойной обстановке. Посмотреть телевизор. Выпить пивка. Почитать перед сном газету. Пораньше лечь в постель. Поцеловать жену...

– Саша, дочери нужна новая ракетка.

– Хорошо.

– И новый костюм для тенниса.

– Угу.

– Меня беспокоит, что она сутулится.

– Да.

– Как ты думаешь, стоит показать ребенка врачу?

– Наверное.

– Как ты думаешь, не пора ли поговорить с ней... Саша, ты меня слушаешь?

– Да. – А после следует провал в сознании до звонка будильника.

...Кто придумал ароматический будильник, источающий утром запах свежей клубники? Несчастный! Наверняка у него не было жены.

А раз у него не было жены, то и детей тоже...

– Саша! Саша! Да проснись же. Проснись, тебя к телефону. Как кто? Меркулов, конечно.

– Слушаю.

– Турецкий? – Даже спросонья он заметил, что у Меркулова грустный голос. – Немедленно выезжай. Человек ждет тебя на площади. Ты будешь вести дело.

– Понял. Одеваюсь.

В разговорах по телефону они с Меркуловым пользовались своим кодом. «На площади» обозначало, что дело связано с Кремлем. Слово «человек» обозначало труп, причем смерть наступила при невыясненных обстоятельствах.

Застегивая на запястье ремешок часов, Турецкий машинально взглянул на циферблат.

Сегодня его рабочий день начался в четыре двадцать три по московскому времени.

В постперестроечную эпоху сильно пьющий гражданин Синькин А. И. имел комнату в коммуналке в районе Арбата. В ту же постперестроечную эпоху вечерний покой гражданина Синькина часто нарушали песни волосатых ублюдков, облюбовавших для своих концертов арбатский пятачок под его окнами.

Одна песня особенно врезалась ему в память:

Спит вся Москва.
Кругом тоска.
Спит инженер,
И спит рабочий.
Спит проститутка,
С ней – пионер,
Вот вам пример:
Давайте спать!
Спокойной ночи!

Этому совету бывший гражданин Синькин А. И., а ныне просто московский бомж по кличке Ильич, не следовал уже много лет подряд. Он не спал по ночам. Он по ночам работал.

В «час между волком и собакой», как живописно окрестили романтики эту пору ночи, московские бомжи выползают из своих подвалов, спускаются с чердаков и поднимаются из лабиринта коллекторных труб и отправляются по делам.

Дела их неисповедимы.

Пути тоже.

Каким образом бомж Ильич оказался во дворе многоквартирного дома класса «люкс», стоящего по Рублево-Успенскому шоссе, это его профессиональная тайна. Но он там оказался, и в самое удобное для себя время: мусоровоз еще не выпотрошил содержимое помойных баков, и дворник в оранжевой униформе не отравил Ильичу жизнь сквернословием.

Очень и очень обнадежившись таким благоприятным стечением обстоятельств, Ильич пробрался к мусорным контейнерам. Разогнал кошек, нырнул по пояс, извлек картонную коробку из-под морозильника. С видом рачительного хозяина приплюснул картон в лист и отложил в сторонку. Пригодится...

Под коробкой вскрылся целый пласт полезного барахла. Не иначе как для облегчения его участи жильцы этого дома выбрасывали свой мусор исключительно в пластиковых мешках, что облегчало сортировку. В одном таком мешке Ильич обнаружил ворох ношеного мужского и женского белья, носков и прочей мелочевки. В другом – остатки чужого пиршества в одноразовой посуде из ресторана. Как и все люди его профессии, Ильич брезгливостью не страдал. Пищу он доел, а набор посуды – стаканы, ножи, вилки и соломинки – прикарманил.

Жил Ильич в комфортабельной конуре на чердаке в районе трех вокзалов, содержал двух жен и пользовался авторитетом у собратьев.

Не обнаружив в первом контейнере ничего особо ценного, бомж решил перекочевать ко второму, боясь упустить что-нибудь более стоящее, чем обноски и объедки. Иногда (он знал по личному опыту) среди «жирного» мусора обнаруживались сломанные часы, непарные серьги и запонки (из ценных металлов), а также пуговицы и бусины из жемчуга и полудрагоценных камней. В этом районе он однажды нашел (вот жаль, не помнит, возле какого дома) килограммовую банку черной икры, похожую на противотанковую гранату.

Сложив в сторонку на картоне свою добычу, Ильич направился ко второму контейнеру, зорко поглядывая по сторонам, чтобы никто не покусился на его собственность.

В этот момент наверху зашумело. Ильич машинально поднял голову. Огромная черная птица, распластав крылья, камнем падала вдоль темного фасада и приземлилась на верхние ветви старых ясеней. Ветви затрещали под ее тяжестью.

«Во, блин, твою мать», – успел подумать Ильич и отшатнулся назад.

Сбив с дерева ворох листвы и мелких сучьев, птица упала вниз, прямо на мусорный контейнер. С металлическим грохотом контейнер завалился на бок, птица упала вместе с ним и оказалась вовсе не птицей.

«Ежкин кот!» – вытянув шею, сказал себе Ильич, рассматривая женское тело, разметавшееся среди мусора на асфальте.

Наметанный глаз бомжа впился в золотую цепочку, такую лишнюю на мертвой тонкой шее.

Глядя на труп, Ильич даже протрезвел и переключился с автопилота на ручное управление.

«Кердык барышне, – поставил он диагноз. – Кровищи-то сколько. Головешкой об асфальт... В момент... С какого же это этажа она свалилась?»

Озадачившись вопросом, Ильич отступил назад, осматривая окна дома.

Большинство окон были темны. В очень немногих за плотными шторами горел свет. Все было тихо и мирно. Дом спал.

Ильич перевел взгляд на тело и расстроился. Он понял неизбежность встречи с властями.

Власть Ильич недолюбливал, ибо по натуре был анархистом, к тому же считал себя «пострадавшим» и вообще несправедливо обиженным. Но жизненный опыт подсказывал, что в данной ситуации лучше сдаться сразу, не дожидаясь, пока за тобой придут. Это поможет избежать лишних вопросов и недоразумений. В том, что за ним придут, Ильич не сомневался. Как только обнаружат труп, дворник обязательно его выдаст. Замести следы своего пребывания на

помойке не удастся. Дворник знал Ильича по почерку... А уйти в бега – прямой себе убыток. Район тут больно лакомый, конкуренты вмиг пронюхают, что Ильич сдал точку, и отобьют.

Ильич тяжело вздохнул. Ввалил на плечи картонную коробку, подхватил мешки со скарбом, взглянул в последний раз на золото... Нет, тьфу на него, чур меня, сатана, не искушай. Еще обыщут! Ведь в такое место идет...

Но искушение превозмогло. Бросив поклажу, Ильич опустился на колени перед мертвой женщиной, резко обернулся по сторонам. Никого... Эх, была не была! Разорвал тонкую цепочку, снял с шеи покойницы и отскочил как ошпаренный. Вороватым взглядом окинул двор. Никого.

Думать было некогда. В центре клумбы рос куст. Ильич сунул руку в землю, выдавил кулаком неглубокую ямку. Цепочка змейкой соскользнула с ладони в тайник. Ильич забросал его землей, заровнял руками следы своих сапожищ. Разогнул спину. Уф! Снова осмотрелся по сторонам. Тишь, благодать, словно во дворе и не лежит покойница.

Вторично навьючив на себя пожитки, Ильич поплелся к ближайшему райотделу.

Глава 2

Решение пришло неожиданно. Оно внезапно появилось в голове, быстро обрело законченную форму, и даже появились пути для его воплощения в жизнь.

«Надоело, – подумал Юра Гордеев, адвокат московской Юрконсультации № 10, – пора уходить».

Закончив чистку плиты, Гордеев тщательно вымыл руки, вытер их свежим полотенцем, огляделся – не нужно ли чего на кухне еще сделать, убедился, что не нужно, прошел в спальню, достал из бельевого шкафа чистую сорочку, новый галстук, черный костюм и только после этого, медленно одеваясь, спокойно ответил:

– А мне, Миша, спокойная старость какого-нибудь деда, у которого грудь в орденах, а пенсия – меньше тысячи рублей в месяц, гораздо важнее, чем склоки в верхних этажах власти. Ну набьет какой-нибудь депутат другому морду прямо в зале заседаний, подумаешь...

– Что ты говоришь? – Лыков появился на пороге спальни в купальном халате Гордеева и в одном носке.

– Ничего, Миша, ничего. Думаю, с моей точкой зрения ты все равно не согласишься. Одевайся. Нам пора.

– Пенсионеры ждут?

– Они, они, родимые. Одевайся, старик. Действительно пора. Тебе сейчас куда? Если по пути – подброшу на машине.

– До метро подброшь. У меня отсюда – прямая ветка. С Танькой поеду разбираться.

– С какой Танькой?

– Как это с какой? С женой своей. С Татьяной Лыковой. В девичестве – Николаевой. Ты небось помнишь – она с характером. Еще в университете к ней не подступиться было. Ты года два увивался – и ничего. А я вот покорил. Завидуй теперь. – Лыков снова хохотнул.

Через пятнадцать минут Гордеев высадил его из своей машины возле ближайшей станции метро, махнул рукой на прощание, потом отъехал подальше, свернул в третий или четвертый по счету переулок, заглушил мотор, с минуту сидел, навалившись грудью на руль, и только после этого вытянул из кармана мятую сигарету и закурил. Главное – делать все медленно. Медленно и спокойно. Тогда все будет хорошо. Все будет хорошо...

Но, все-таки, вот скотина! О чем только не успел рассказать: и про подвиги свои в оперативке, и про чуть ли не ежедневные любовные победы, и про то, что может перепить кого хочешь...

А вот про то, что на Тане Николаевой женился, – ни слова. Как будто это само собой разумеется. Да он же ей ноги целовать недостоин! Был – рохля, троечник, трус, каких мало. Стал – трепач, жалкий фрондер. Черт!.. А она?.. Да сколько же ей сейчас?..

Гордеев прикрыл глаза: Таня, тогдашняя, неприступная двадцатилетняя красавица, умница, мечта всей мужской части факультета... Вспомнился общий выезд за город: песок, набившийся в дешевые сандалии, солнце, пляжный волейбол... Его рука тянется к Таниной и – не встречает ее. Черт! Черт!..

Гордеев поперхнулся дымом. Ишь каким лихим парнем стал этот Лыков! А он, Юрий Петрович Гордеев?.. Даже курить толком до сих пор не выучился. Кто он такой? Адвокатишка? Съезды – разъезды... Разводы... Черт!

Нет, пора. Плюнуть на все – и начать новую жизнь. Деньги зарабатывать начать. Его любая солидная фирма возьмет юристом. Уже через месяц – самые дорогие рестораны, самые соблазнительные женщины. Все в его руках. И гори они синим пламенем, все эти мелкие

людишки – с их проблемами, болячками, мизерными пенсиями и колоссальными долгами. Чихать он на них хотел! Все! Все! Решил.

Гордеев запустил мотор. Медленно поехал по улицам. Все решено.

Через двадцать минут он уже был в своей конторе на Таганке. Юридическая консультация № 10. Прощай, проклятая дыра!

«Сейчас просто напишу заявление. Да нет, просто скажу, и...»

Гордеев вошел в приемную.

Навстречу ему с трудом поднялся Федоров, тот самый пенсионер, о котором он утром рассказывал Лыкову:

– Здравствуйте, Юрий Петрович, вы уж простите великодушно, что с самого утра...

Гордеев медленно провел ладонью по лбу, потом опустил руку и устало улыбнулся:

– Василий Васильевич, дорогой мой, ничего, от меня не убудет. А вот то, что вам пришлось рано подниматься и через весь город ко мне – это действительно нехорошо. Не бережете вы себя.

Лицо старика просветлело:

– Да мне-то что!.. У меня все равно бессонница. Об вас забочусь. Вот сами посудите – случись с вами что – кто за нас, стариков, заступится? По совести разобраться – один вы у нас на всю Москву благодетель. Чай, не только я за вас Бога молю...

Гордеев улыбнулся. Секретарша Катя, наблюдавшая за всей этой сценой, тоже оскалила зубки:

– Не вы один, дедушка, это точно.

И потом, обращаясь уже к Гордееву:

– Юрий Петрович, вам кофе? Как обычно?

– Да, Катюша. Как обычно. И проверьте список. Остальных – в живую очередь. Идемте, Василий Васильевич. Бумаги у вас с собой?..

И адвокат Юрий Гордеев приступил к выполнению своих ежедневных обязанностей...

...В два часа дня секретарша Катя принесла ему пиццу из забегаловки на углу. Прямо в кабинет. Вообще-то о желудке своем тоже стоит заботиться – ведь не первый раз такое случилось. Так и язву заработать недолго. Но уж больно много было дел. Сидя на краю своего рабочего стола и уплетая пиццу (верх несолидности! В богатой фирме такого поведения своего юриста не одобрили бы, а здесь Гордеев сам себе хозяин), Юрий Петрович пояснял очередному клиенту: «Они не имеют права... да не нужно никакого суда, не беспокойтесь... сошлетесь на меня... да нисколько это не стоит... пожалуйста... уберите, говорю, деньги... все! Следующий!..»

К вечеру работы стало меньше. Катя попросила разрешения уйти пораньше. Гордеев решил – чего там! Черт, как же прекрасна жизнь! Банальное заявление? А господину адвокату Гордееву время от времени начинают нравиться банальности. Из них состоит жизнь. А жизнь прекрасна. Значит, прекрасны и банальности. Стоп! Это возвращение к началу мысли. Ну что ж, начнем с начала...

– Да! – Гордеев с улыбкой обернулся на робкий стук в дверь своего кабинета. – Да, входите, не стесняйтесь. Секретаря сейчас нет. Но я еще работаю. Да, я адвокат. Да, Гордеев. Да не волнуйтесь вы так, бабушка. Ах, вы не одна? И сестра пускай проходит. Ну, в чем проблема? Садитесь. Садитесь, садитесь!..

– Шурочка, это, наверное, не тот, – Вера Коробкова робко поглядела на сестру. – Про того говорили – солидный такой. А этот...

– По-вашему, я недостаточно солиден? – Гордеев продолжал весело улыбаться.

– По-нашему – недостаточно, – баба Шура Коробкова, старшая из сестер, сурово поджала губы. – Нам нужен очень хороший специалист.

- Всем нужен хороший специалист.
- Нам нужен самый лучший.
- По правам собственности на жилье?
- По убийствам.

...На следующий день адвокат Гордеев ехал в собственном автомобиле в сторону знаменитой Дубны.

«Смотри-ка, – думал он, – научились дороги строить. Настоящее шоссе – без рытвин, без ухабов. Черт, словил какую-то ямку. Перехвалил отечественных дорожников, перехвалил... Зато пейзаж вокруг... Впрочем, нормальный русский пейзаж. Без излишеств. То, что надо. Сколько на спидометре? Э, нет! Спокойнее, господин адвокат, спокойнее. Тише едешь – дальше будешь. Так, о чем я...? Да, пейзаж. Неплохо. А теперь, что нам известно? Исходная информация. Сигарету? Нет, обойдемся без введения ядов в хрупкий человеческий организм».

Гордеев сбросил скорость и медленно, во всех деталях, стал припоминать вчерашний разговор...

– Значит, Вера Васильевна, именно вы встретили гостя вашего сына в дверях?

– Да. Представительный такой... Улыбался... Разве ж я знала тогда?..

– Успокойтесь. Вот, выпейте воды. Спокойствие – это главное. Простите, что задаю такой вопрос, но почему вы уверены, что ваш сын не виноват в совершении убийства?

Ответила Гордееву Александра Коробкова:

– Мы и не говорим, что не виноват. Он ударил – больше некому (при этих словах Вера Коробкова залилась слезами, пришлось протянуть ей еще стакан воды), просто что-то во всем этом не то. Не верится нам как-то, что мог наш Володя вот так убить человека. Он мухи за всю жизнь не обидел. А этот, пацан желторотенький, во внуки мне годится, а туда же: «Все ясно, – говорит, – дело хоть завтра в суд передавать. И расследовать нечего».

– Это вы о ком?

– О следователе, о ком же еще?

– Значит, прямо так и сказал?

– Стара я врать. Вот, записано у меня: Василий Николаевич, следователь прокуратуры Центрального округа. Ишь, Николаевич! От горшка два вершка!

– Уважаемая Александра Васильевна, к сожалению, у нас нет времени на то, чтобы обсуждать достоинства и недостатки следователя Волочаева.

– А вы знаете его, что ли?

– Непременно с ним познакомлюсь, в том случае, если возьмусь за это дело. Ведь мне, если не ошибаюсь, оказана честь: Юрию Гордееву предлагают стать адвокатом совершившего убийство Владимира Коробкова. Верно?

– А почему это вы так с нами разговариваете?

– Я разговариваю с вами достаточно вежливо. Просто хочу напомнить, что адвокату для прояснения обстоятельств дела кроме эмоций родственников клиента нужны факты. Вы меня понимаете? Где работал ваш племянник?

– В научно-исследовательском институте.

Гордеев посмотрел на протянутый листок бумаги со скудными сведениями о работе Владимира Коробкова.

– Дубна? Он, вероятно, редко бывал дома?

– Да нет – не часто он в эту Дубну отлучался.

– Внештатный консультант? Денег, конечно, немного зарабатывал?

– Вы знаете, много. Правду скажем. Сказать, что хуже соседей живем, не можем. А соседи у нас – сами понимаете. На Арбате-то...

– Почему не указана должность?

- Да не знаем мы.
- Он не говорил никогда?
- Нет.
- Ладно, узнаем.

Переставшая к тому моменту плакать Вера Коробкова обернулась к сестре:

– Вот видишь, сразу хорошего специалиста видно. А тот адвокат, которого Володе назначили, – ничего толком не спрашивал.

– Уже назначили адвоката? – Гордеев вытянул из пачки сигарету.

– Да уж дело к концу идет. Говорят, суд скоро. А неделя всего прошла. Разве так можно – не разобравшись. Всего неделя следствия – и уже суд. – Вера Коробкова снова заплакала.

Гордеев задумчиво жевал незажженную сигарету:

– Нет, так действительно нельзя. И какой бы плохой следователь не вел дело, он об этом прекрасно знает. И адвокат знает. И любой, любой юрист знает. Но вы утверждаете, что суд состоится в самое ближайшее время?

– Да, говорят, в пятницу, – Вера Коробкова еще раз всхлипнула.

– Значит... Значит...

...Что это значит – и предстояло выяснить адвокату Гордееву. Именно ради этого, отложив остальные дела, он и спешил в Дубну. Три дня до суда. В общей сложности – десять дней от начала следствия, от момента совершения преступления. И нешутливого преступления – убийства! Торопятся коллеги, торопятся. Кто ж их так торопит, а? Вот что узнать интересно...

Автомобиль Гордеева уже въезжал в знаменитый город физиков.

Нужный научно-исследовательский институт Гордеев нашел сразу – заметное здание. И кстати, хорошо ему, Юрию Гордееву, памятное...

– Вы к кому? По какому вопросу?

Надо же, охрану выставили. Настоящую. Раньше бабушка божий одуванчик сидела.

– К Валентину Константиновичу Петрову. По личному.

– По личному у нас не положено.

– Позвоните. Скажите – Пупс пришел. И узнаете – положено или нет.

– Вы пьяны? Какой еще Пупс?

– Я трезв. Абсолютно нормален. Не вооружен. И мало что понимаю в физике, следовательно, не покушаюсь на тайны вашего института. Звоните.

Но звонить не пришлось. Через секунду Гордеев утонул в объятиях огромного, добродушного, похожего на сенбернара Вальки Петрова:

– Пупс! Ну! Выбрался! Свинья ты все-таки! Совсем нас забыл. Ах черт, день рабочий начался только. А может, ну его к бую? Махнем ко мне! Нина блинов напечет.

– Потом махнем, Валя. Мне с тобой о деле переговорить нужно. Да вот – охрана не пускает.

Валя, он же Валентин Константинович Петров, директор НИИ, посмотрел на ошалевшего охранника так, будто его оскорбили в лучших чувствах:

– Это же Пупс! Как вам, голубчик, не стыдно!

И посчитав, что произнесенной отповеди вполне достаточно, потащил друга в свой кабинет.

...Через двадцать минут Валентин Петров откинулся в кресле и оторвал взгляд от дисплея:

– Нет, Юра, такого сотрудника в нашем институте никогда не было. Да я и так помню – незачем лезть в компьютер.

Гордеев задумчиво кивнул, а потом твердо посмотрел собеседнику прямо в глаза:

– Да, Валя. Я знаю, что его нет в основном списке. Точнее, сначала догадывался, а когда ты так засуетился в ответ на мой, в сущности, невинный, согласишься, вопрос, узнал точно. Искать нужно в другом списке, правда?

Петров снял очки и стал медленно протирать их очень чистым носовым платком. Теперь он еще больше стал похож на старого, доброго, усталого пса...

– Сколько же мы не виделись с тобой, Пупс?

– Знаешь, Валя, недавно один человек задавал мне точно такой же вопрос. Скверно, когда старые друзья не видятся по многу лет. Очень скверно.

– Помнишь Крым? Пионерский лагерь? Ты на Пупса тогда обижался.

– А ты – на любое прозвище. Потому что любое касалось твоего излишнего веса. И ни одно к тебе так и не прилипло с годами. А вот весу еще набрал. И не только в килограммах – известный ученый, руководитель научно-исследовательского института...

– Что называется – широко известен в узких кругах.

– Тебя это задевает? Выйди в Москве, не в Дубне, конечно, а в Москве, на улицу и спроси у какого-нибудь школьника, кто такой академик Капица. Не ответит точно так же, как на вопрос о физике по фамилии Петров.

– Это верно. Мало кто знает и адвоката Гордеева.

– И это верно... Как Нина?

– Нормально.

– А Славка?

– А что ему сделается? В шестой класс перешел... Юра. – Теперь Петров тоже взглянул прямо в глаза собеседнику: – Юра, о чем мы говорим?..

– Все правильно, Валя. Мы говорим как старые друзья. Друзья детства. Помнишь: «Только в детстве мы встретим старых друзей, и новых старых не будет...» Валя, мне нужна помощь. Очень нужна, старик.

Помедлив, Петров снова повернулся к компьютеру и несколько раз щелкнул клавишами:

– Вот. Коробков Владимир. Этот?

Гордеев внимательно посмотрел на дисплей:

– Откуда мне знать? Здесь кроме имени и фамилии – одни символы. Китайская грамота. Что все это значит?

– Это значит, что у нас действительно числится сотрудник по фамилии Коробков. И, заметь, ежемесячно он получает от института очень крупную зарплату. Очень. Мне и не снилась такая. Может быть, Коробков – великолепный физик? Может быть. А скорее всего, не помнит и формулировки закона Ома.

– Думаю, помнит. Насколько мне известно, он с блеском закончил Военно-инженерное училище.

– Юра, значит, ты знаешь о нем гораздо больше, чем я.

– Кто он такой, Валя?

– Пупс, я просто хочу попросить тебя об одной вещи... Нет, давай-ка выйдем в курилку.

На лестничной клетке, где пол был усеян окурками, несмотря на строгую надпись «Не курить!» на стене, Петров продолжил прерванную фразу:

– Юра, я понимаю, что теперь не те времена и все такое, но... Я хотел тебя попросить – ни в коем случае не ссылайся на меня. Если тебя спросят: откуда информация, что ты ответишь?

– Пока не знаю. Но обещаю, что твоя фамилия не будет названа никогда.

– Ладно. Тогда слушай. Я действительно ничего не знаю. Вот в этом месте (Валентин Константинович быстро написал что-то на листе блокнота) тебе ответят подробнее. Если вообще захотят с тобой говорить.

Гордеев взглянул на протянутый листок. В следующее мгновение собеседник скомкал этот листок и поджег его. Потом виновато посмотрел на адвоката:

– Какие-то шпионские страсти. Но ты же знаешь, я всегда был трусом. Наверное, все это выглядит очень смешно?

Гордеев покачал головой:

– Нет, старина. Совсем не смешно.

...Между прочим, кто, интересно, придумал консервы? Француз какой-то. Точно, француз. Фамилия – Пастер. Кажется, Луи Пастер. Отсюда слово пастеризация. Специально для Наполеона придумал. Точнее, для его армии. Но если француз придумал консервы, то уж точно не эти самые. Такой дряни ни Наполеон, ни его солдаты жрать не стали бы. Ну что за дрянь! Напихают сои вместо мяса, а потом люди мучаются.

Вываленное на горячую сковородку содержимое консервной банки растеклось, забулькала и стало источать совершенно непотребные запахи. Э! Да тут, похоже, не в количестве сои дело!

Гордеев взглянул на этикетку пустой банки, потом на крышку. Так и есть – прошел срок годности. Так. Главное – спокойствие. Эту пародию на пищевой продукт – в унитаз. Нет, правильно: не в помойное ведро (чего оно до утра вонять будет!), а в унитаз. Так. Сковородку – вымыть. Сделано. Так. А теперь, чем бы поужинать? Эх, зазывал же Валька на блины – не пошел. Зря. В Москву заторопился. Хотя знал, что все выйдет именно так, как вышло... Где-то, кажется, яйца были. Вот. Черт, совершенно пустой холодильник. Ну-с, яйца. Опять сковородку на огонь. Так. Где масло? Господи, ну почему в доме нет даже масла? Может, тебе, Гордеев, все-таки жениться? Кандидатки на пост супруги есть. Вот хоть Марина. Готовит неплохо. Тогда с утра какой омлет с клубникой отгрохала – объедение!.. Куда ты, дурень, полез? Откуда под раковиной, возле помойного ведра, масло? Гм! А оно, масло-то, именно там и есть. Ну, точно – жениться пора. Так. Масло на сковородку. Задымилось. Ох, да еще и брызжется! Спокойно. Убавить огонь. Руку – под холодную воду. Хорошо. Так. Теперь – разбить яйца на сковородку. Сколько? Три?

Весь день не жрал. Тогда – четыре. Ну, с Богом. Ах, черт, тухлое! Ну и вонь! Стоп. Чего ты швыряешься? Сковородка не виновата. Опять – в унитаз. Сковородку вымыть. В сущности – все правильно... Вымыть сковородку, говорю. Так. Я продолжаю: все правильно. Холодильник пустой – его отключили. Сам же и отключил. Два дня назад. А что делают яйца в отключенном холодильнике? Ясное дело – тухнут. Вот и стухли. И ты – без ужина. К тому же – уже за полночь. Значит, спать... Завтра будет трудный день. Труднее, чем сегодня. А сегодня был, не дай Бог никому...

Гордеев подошел к бару (домашний бар Гордеева – предмет зависти всех его знакомых), вынул бутылку «Наполеона», плеснул в бокал немного ароматной маслянистой жидкости. Достал сигарету. Неудачный день. Ничего. Почему, собственно, неудачный? Ведь знал же, уже после того как поговорил с Петровым, знал: все так и будет. Но бросился к машине (а Валька предлагал остаться, пообедать вместе!) и поехал в Москву. Уже по дороге почувствовал, что голоден. Но не остановился нигде. Мелькали шашлычные, шоферские закусовые – не остановился. И в Москве ни перед одним рестораном не задержался. Сразу – туда.

Когда впустили, обрадовался. Подумал – дело на лад идет. На какой лад? Полтора часа в приемной. Потом десять минут в кабинете. Потом еще час в другой приемной и двадцать минут в другом кабинете. И там отказ. И везде отказ: «Нет такого, информацией не владеем, к сожалению, помочь не можем». К машине своей вернулся – вечер уже. Пока до дому добрался – ночь. Все закрыто. Купил в круглосуточном банку тушенки – дрянь оказалась. Без ужина остался. Неудачный день. Гордеев затянулся сигаретой и глотнул из бокала. А чего он ждал? Что нужную информацию ему преподнесут на блюдечке? Зря спешил. Зря не ел целый день. И понимал, что зря, с самого начала. Когда узнал, куда придется обратиться. Когда всего на

несколько секунд увидел на протянутом Валькой Петровым листке блокнота три буквы. Только три буквы: СВР. Служба внешней разведки.

Глава 3

Еще задолго до того, как началась эта история, сестры баба Шура и баба Вера Коробковы были частью умирающей легенды. На рубеже двадцатого и двадцать первого веков старухами на восьмом десятке они стали участницами или, скажем осторожнее, свидетельницами самой страшной и кровавой игры на свете: большой политики.

Но до сих пор ни одна из них не подозревала о своей исключительности. В политике старушки всегда разбирались слабо, а в легенды не верили, потому что десятки легенд рассыпались в прах за их долгую жизнь.

Еще в шестидесятых о них и таких, как они, молодые люди в вошедших в моду узких брюках и просторных свитерах складывали трогательные стихи и не менее трогательные и безыскусные (в три-четыре аккорда) песни. Так создавался миф о рае земном: тихих арбатских двориках. Ни Александру Васильевну, ни Веру Васильевну Коробковых этот миф, равно как и его энергичные молодые создатели, не интересовал. Они продолжали честно работать на благо социалистической родины и жить в коммунальной квартире в комнате с окнами, выходящими во двор.

На Арбате. Тогда это не казалось особенно романтичным или невероятно престижным.

Со временем, во многом благодаря тем же «шестидесятникам», ставшим с годами классиками, престиж района возрастал. Назревала (и назрела!) Великая реконструкция Арбата. Разгорались (а потом, со временем, утихли) споры в прессе. Один из посевших знаменитых арбатских мальчиков бросил едкую фразу о том, что «Арбат офонарел». Но ни Шуре, ни Вере Коробковым перемены не показались особенно странными. Только Шура – старшая – горько сокрушалась, что нет больше старого троллейбусного маршрута на Арбате и в аптеку придется ходить пешком, а ведь ноги-то болят – возраст! Да младшая Вера немного удивлялась тому, что, когда стали расселять арбатские коммуналки, их с сестрой не тронули. Наоборот, отдали в их распоряжение всю большую квартиру.

Это Володя наш постарался, Володю нашего ценят, с гордостью говорила она. И хотя действительно думала, что такая честь не им с сестрой, а ненаглядному их Володе, но все же в глубине души надеялась, что городские власти и правительство страны поселили к концу жизни Коробковых так просторно именно за их с сестрой, а не чьи-нибудь там еще заслуги перед Родиной. Да и правда – мало ли Коробковым за жизнь вытерпеть пришлось? Видит Бог (про которого еще в их детстве, в тридцатых годах, учили, что его нет), много вытерпели.

Замуж Шура Коробкова выходила в сороковом году, восемнадцатилетней девчонкой. И весь их двор Шуре завидовал. Потому что за красавца, за капитана-артиллера. И потому что в отдельную квартиру сразу, в Замоскворечье. Это, конечно, приятно было – жили Коробковы тесно: мать, отец и пятеро детей: трое сыновей и две дочери – в трех комнатах коммуналки. И только пятнадцатилетняя Вера понимала, что завидовать сестре не за это надо, а за то, что будет она теперь жить с любимым, по-настоящему любимым человеком. У матери Шуры и Веры, правда, были сомнения, потому что избранник ее дочери вдвое Шуры старше. Ну и что с того? Зато с положением человек, будущее у него, а значит, и у молодой его супруги, обеспечено.

А знала бы мать, каким окажется будущее ее зятя, подтянутого, веселого капитана Федорова, не отдала бы за него свою дочь, никогда не отдала бы.

Забрали Николая Константиновича Федорова зимой, в начале чреватого событиями тысяча девятьсот сорок первого года. Молодая его супруга Шура той ночью не плакала даже – слишком все казалось страшно и нереально.

Через несколько недель она вернулась к своим, на Арбат. Вернулась тихо, незаметно. Да и не смотрел никто из соседей в ее сторону – глаза отводили. А еще через несколько месяцев и

у Коробковых, и у арбатского дворика, и у всей страны появилась другая, заслонившая собой все прочие, забота: война.

Уже в октябре сорок первого пришло извещение о смерти Кости, старшего из трех братьев Коробковых. И похорожки на остальных двоих (Василия – в сорок третьем и Валентина – в сорок четвертом) получали уже только ставшие неразлучными сестры Шура и Вера – их мама не смогла пережить смерти уже первого сына. Недолго прожил на свете и отец Коробков: в январе сорок третьего он умер в эвакуации, в Уфе.

Шура и Вера эвакуироваться отказались. Отец уезжал вместе с заводом – он там, в Уфе, нужнее был. А их место, думали сестры Коробковы, здесь, в Москве. Шура устроилась работать в один из госпиталей санитаркой. Вера – нянечкой в Дом сирот.

Тогда впервые показалась им просторной – нестерпимо просторной – их старая тесная коммуналка.

В сорок пятом она снова начала наполняться народом – по большей части чужим, незнакомым. Не вернулись с фронта или из эвакуации многие из прежних соседей. Их место занимали новые: те, чьи дома не уцелели во время бомбежек, те, кого послевоенная Москва, которая собиралась отстраиваться и расти, приглашала к себе: инженер-строитель с семьей, какой-то товаровед из Казани...

В сорок седьмом году появился в этой коммунальной квартире на Арбате и еще один человек, тот самый, которому со временем суждено было переменить уклад жизни старой коммуналки совершенно, тот самый, благодаря которому древние старушки сестры Коробковы через несколько десятков лет оказались в центре серьезнейших событий, имеющих непосредственное отношение к мировой политике. Но тогда... Тогда все получилось просто и вполне обычно.

...Война кончилась, жизнь брала свое. Все еще словно освещенная огнями победного салюта, Москва хотела жить и радоваться, несмотря ни на что. Да – трудно, да – не все вернулись, а многие вернулись, но не туда, откуда уходили. Да – продолжали сажать за малейшую провинность, за опоздание на работу. И все-таки... Все-таки были и модные танцы, и модные платья. И даже любимые или нелюбимые городские оркестры – на танцевальных площадках в клубах или прямо под открытым небом.

Двадцатичетырехлетняя Шура Коробкова по выходным дням (понятия «воскресенье» в общепринятом теперь смысле тогда не существовало) большей частью оставалась дома. Еще в начале войны она, после настойчивых уговоров матери, развелась с мужем, снова взяла себе прежнюю фамилию, но все-таки на что-то еще надеялась, ждала. Забегая вперед, скажем, что дождалась нескоро и немногого: в пятьдесят четвертом, после ее многочисленных заявлений и просьб, официальные органы выдали Александре Васильевне Коробковой, вдове необоснованно репрессированного капитана артиллерийских войск Николая Федорова, уведомление о смерти мужа и справку о его реабилитации. Но, впрочем, речь сейчас пойдет в основном о Коробковой Вере.

К сорок шестому году ей исполнился двадцать один год. Привыкшая с детства считать подлинной красавицей и в семье, и во дворе, да и во всем мире одну свою старшую сестру, Верочка Коробкова совсем не была кокеткой. Наоборот, все знавшие ее подшучивали над Верочкиной чрезмерной скромностью, боязливостью даже. И девушка давно смирилась с мыслью, что всю жизнь ей придется нянчить детей чужих, воспитанников того самого Дома сирот, в котором она продолжала работать. Да и мужчин, желающих обзавестись семьей, после войны было намного, намного меньше, чем сгорающих от того же желания женщин. И все же...

Однажды, в один из выходных, подруга привела Верочку на танцы в парк. Именно привела: за руку, как ребенка. По дороге критически оглядела простенькое ситцевое Верочкино платье, посоветовала кое-что переделать, обещала достать какие-то выкройки, но, впрочем,

когда в парке с дощатой эстрады зазвучал страшно пыхтящий маленький оркестрик, забыла и о подружке, и обо всем другом на свете ради молоденького конопатого лейтенанта.

Вера стояла в стороне, под деревом, вдали от эстрады и освещающих площадку вечерних фонарей. И вдруг при звуках какого-то вальса, название которого она не знала, ощутила такое желание, чтобы кто-то тоже пригласил ее потанцевать, ввел в толпу этих нарядных, беспечных в своем счастье людей, что едва не расплакалась.

В тот день к робкой девушке у края площадки никто так и не приблизился. И ставшие вдруг необходимыми модные выкройки были вытребованы у подруги уже назавтра. Не замечая понимающих грустных улыбок сестры, Вера несколько дней перекраивала, перемеряла и перешивала свой небогатый гардероб, а накануне очередного выходного дня (никогда еще так долго не ждала!) даже приобрела (непозволительная роскошь!) губную помаду. Соседка по квартире, продавшая Вере вожаделенную трубочку и привычным жестом ссыпавшая горсть монет и несколько измятых бумажек в коробку из-под американских галет, тоже улыбнулась странной, Шуркиной, как называла ее для себя теперь Вера, улыбкой. Но промолчала. И хорошо. И очень даже хорошо. Улыбайтесь. Поглядывайте косо, думайте, что хотите, только не вмешивайтесь, ради бога, не вмешивайтесь, когда девушка ведет себя именно так. Особенно если юность ее была заполнена войной, а молодость требует и требует возмещения этой потери.

...Его звали Дмитрием. Димой. На танцах (Вера была там уже в третий раз, и уже раньше приглашали ее и танцевали с ней, но как вдруг все это стало далеко и ненужно) девушка заметила его первой. И словно бы почувствовав ее взгляд, он обернулся, подошел и – улыбнулся... Даже в старости, спустя много лет, несмотря на все то, что случилось позже, Вера Коробкова вспоминала эту улыбку и хорошо знала, что прекраснее ее не видела она ничего на свете.

Потом, после того как отзвучал последний танец, была долгая прогулка по ночному городу. А потом – первое в жизни и очень небезопасное по тем временам Верочкино опоздание на работу. И покаянные слезы в кабинете директрисы Дома сирот. И благодарность за то, что, все понимая, директриса, добрая, дебелая, много повидавшая на своем веку женщина, решила все замять и не давать ход делу.

И новые прогулки. И новые опоздания. И ласковые упреки сестры. И в конце концов неизбежные крадущиеся шаги двоих по коридору квартиры, в одной из комнат которой жил Дмитрий, студент ремесленного училища. И новые, уже другие слезы. Под утро, на его плече.

И еще слезы, когда уезжал с Ленинградского – на Север, что-то строить. В поселок – и названия-то не выговоришь, нерусское какое-то. И его обещание писать, писать часто.

Но письмо Вера получила только одно: с извинениями и просьбами не беспокоиться и не беспокоить.

Именно тогда Шура не спускала с сестры глаз круглыми сутками, перепрятала в доме все ножи и веревки.

А весной сорок седьмого, как раз в канун Дня Победы, он и появился третьим жильцом в комнате сестер Коробковых: Владимир Коробков, Володя-младший, сын Веры.

...Уже потом, много лет спустя, после трагического события в квартире Александры Васильевны, Веры Васильевны и Владимира Коробковых, сестры не без горячности вспоминали детство своего любимца, его рано проявившиеся таланты, положительные свойства души, благородные устремления.

Вообще-то матерей, сомневающихся в гениальности своих отпрысков, не существует в природе. Это научный факт, поэтому убежденность Веры Коробковой в абсолютной непогрешимости ее ненаглядного Володи вполне объяснима. Не вызывает особенного удивления и привязанность к нему любящей тети Шуры. Но вот любовь, которую питали уже к двухмесячному Владимиру Коробкову поголовно все его коммунальные соседи, действительно вызывает почтение.

Дело в том, что более спокойного ребенка, кажется, свет не видывал никогда. Казалось, что незлобивость, рассудительность и даже житейская мудрость являются его врожденными качествами. Он никогда никому не досаждал криком. Даже лежа в колыбели, он умудрялся сообщать матери и тетке о своих нехитрых младенческих потребностях деликатно, спокойно, без лишних эмоций и театральных эффектов.

Уже в шестилетнем возрасте, хорошо понимая трудности своей небольшой семьи, он помогал маме и тете Шуре по дому. Невысокий мальчик в коротких, американского производства штанишках (помощь недавних союзников) вызывал стойкое раздражение у ребят постарше, местной послевоенной шпаны. Несколько раз его колотили – он никогда не жаловался. Не реагировал на обидные прозвища. Его начали считать трусом. В один прекрасный день он безоговорочно опроверг эти домыслы, получил уважение сверстников и столь ценимый им покой. И при этом умудрился никого не задеть, никого не обидеть или унижить ни словом, ни делом.

Было так. Однорукий дворник Игульдинов, ветеран войны и гроза всех арбатских хулиганов в возрасте от пяти до пятнадцати лет, отчаявшись уберечь свою каморку под лестницей одного из домов (не от воровства – от осквернения, в частности – нелицеприятными для него надписями на двери), завел себе здорового волкодава. Шарик, несмотря на свою мирную кличку, стал для арбатской шпаны серьезным, более того, непобедимым противником. Претензии об укусах и порванных штанах Игульдинов не принимал. Укусы были болезненны, а за штаны доставалось от матерей. Зрел бунт. Грандиозный по силе эмоционального воздействия новый текст, который должен был появиться на двери ненавистного дворника, шлифовался в умах подрастающего поколения неделями. Но двери были неприступны. Дураков, отважившихся теперь подойти к ним с куском мела в руках, не находилось.

И тут появился маленький Вова Коробков и предложил свои услуги в качестве диверсанта. Его подняли на смех. Он спокойно настаивал. Без труда (а ведь еще в школу не ходил!) и без ошибок воспроизвел красочный текст будущей надписи огрызком карандаша на вырванном из чьего-то учебника по арифметике листе бумаги. Взял в руки мел и скрылся в нужном подъезде.

Не было его минут десять, все это время во дворе слышалось хрипение неугомонного Шарика.

Следствием всей истории стало то, что между молодежью и дворником уже в тот же день состоялась конструктивная беседа, после которой были разграничены сферы влияния обеих сторон, их права и обязанности. Несогласия были. Но беззаветное мужество маленького парламентария признавали все. Безоговорочно.

Надпись, сделанная им кривыми буквами на нужной двери, гласила: «Дядя Ислам, пожалуйста не выпускайте Шарика одного, его все бояться. Вова Коро». Окончания своей фамилии Коробков дописать не сумел – Шарик все-таки здорово его покусал, пришлось даже отвезти мальчика в больницу. Против наказания жестокого дворника и злой собаки Владимир Коробков выступил лично. Еще лежа на больничной койке.

На следующий же день после происшествия весь центр столицы знал, что тому, кто чем-нибудь обидит шестилетнего Коробкова, придется иметь дело со всеми хулиганами Арбата и прилегающих переулков.

Поступив в школу, Володя не выдвигался на первое место среди одноклассников – он просто занял его с самого начала и не уступал никому до последнего танца на выпускном вечере. Поразительные способности к иностранным языкам и точным наукам одновременно снискали для него любовь учителей, граничащую с обожанием. Полнейшее (по крайней мере внешнее) равнодушие к этой любви со стороны самого Коробкова принесло ему справедливое уважение товарищей. Спокойная, твердая, но не показная уверенность в том, что он – молодой гражданин самой лучшей на свете страны, сулила Владимиру быстрое продвижение по комсо-

мольской, а там (как знать!) и по партийной линии. Но давняя детская мечта и недюжинная целеустремленность не позволили Коробкову пойти по этой завидной дороге.

После школы он поступил в военное училище. Точнее, в военно-инженерное.

Дальнейшую судьбу Владимира Коробкова по рассказам его тетки и матери проследить достаточно сложно.

Училище он закончил. И закончил, судя по всему, блестяще. Был направлен для прохождения дальнейшей службы в одну из лучших воинских частей. Уже разбираясь по рассказам и письмам сына и племянника в общем традиционном ходе карьеры военного, Александра Васильевна и Вера Васильевна Коробковы с нетерпением ожидали приезда своего любимца в Москву надолго: для обучения в Академии.

Но назначения в Академию не последовало. Последовало почему-то перевод в другую часть – не такую заметную. Потом – еще одно перемещение. И еще.

Шли месяцы, годы. Владимир приезжал навестить родных все реже, объясняя долгие отсутствия напряженной работой над очередным инженерным проектом и частыми командировками. На робкие намеки матери, что ему давно пора бы обзавестись семьей, только как-то невесело улыбался.

В конце семидесятых состоялась его первая длительная заграничная командировка. Потом эти командировки стали повторяться – год за годом.

Менялись времена, старели сестры Коробковы. В их квартире на Арбате все чаще слышались разговоры вдруг осмелевших соседей о политике. Старухи не обращали на эти разговоры особенного внимания. Если уж говорить правду, их больше интересовала экономика: недостаток тех или иных товаров в магазинах, дороговизна, позже – основательно забытая уже карточная система распределения продуктов.

Потом началась эпопея с расселением их коммунальной квартиры. Уехала куда-то на окраину, в новостройку, одна семья, потом другая. Третья. Покорно ждали своей судьбы и баба Шура с бабой Верой. Они уже оставались в пустой квартире одни.

Но неожиданно какая-то неизвестно откуда явившаяся высокая комиссия сообщила женщинам, что, «принимая во внимание» и «несмотря на то, что» и «согласно статье №» и еще «статьям №»... (длинная была бумага, всего сестры Коробковы не запомнили), им положены определенные льготы. А проще говоря, никуда съезжать им не придется, а придется подумать, где бы найти столько мебели, чтобы обставить всю освободившуюся жилплощадь, так как она, эта жилплощадь, теперь поступает в их распоряжение.

Шесть комнат! Да куда им столько? Но спорить не стали. Дают – бери. И стали жить. Правда, из своей привычной уже за много лет комнатухи не выбрались. Зачем? Давно спят на соседних кроватях. А как же по раздельности-то? А если одной среди ночи плохо станет, кто поможет? Нет уж – старого пса новым штукам не выучишь.

Только радовались, заранее радовались они тому, как приятно удивится Володя, когда наконец-то приедет домой не на несколько дней – навсегда. А может (вслух об этом не говорили, чтобы не сглазить), и соберется наконец семьей обзавестись, простору теперь хватит и для невестки, и для внучат. Ведь он, Володя, не старый еще человек, совсем не старый. Все еще может случиться.

...И Володя приехал! По-прежнему холостяком (шутил: «теперь уж вечным и бесповоротным»). Простору ставшей теперь полностью коробковской квартиры не удивился – покивал только. И за торжественным, сервированным на три персоны столом, выпив несколько стопок коньяка («Ты уж не ругай меня, мама, полюбил я этот напиток»), сообщил приятную новость: насовсем приехал. Больше уезжать не будет. Сообщил, конечно, немного грустно. Но это и понятно: тяжело человеку расставаться с любимой работой. Такой любимой, что даже с матерью повидаться из-за этой работы не мог.

Впрочем, выяснилось, что немного, в меру сил, он работать все равно будет. В одном научно-исследовательском институте. Так, инженер-консультант.

Работа нетрудная. И платить будут хорошо – заживут теперь Коробковы. И действительно, после отставки из армии и начала научной работы в НИИ Владимир вдруг проявил себя редким домоседом: все свободное время проводил в своей, теперь такой большой, квартире.

Хорошо обставил эту квартиру (действительно, зарабатывал он неплохо), но пользовался, по существу, только одной комнатой: и спальней и кабинетом одновременно.

В институт свой ездил нечасто – больше работал на дому, чертил что-то, писал. Обзавелся компьютером, на котором (Александра Васильевна замечать стала) чаще играл в шахматы, чем набирал научные труды.

Очень подружился с соседскими детьми. Даже больше того, проявив прежние таланты, сумел сделать практически невозможное: оторвал этих самых детей от ненаглядных дисплеев и увлек строительством действующих моделей кораблей, лодок, планеров.

Его редко кто навещал: чаще всего по работе приезжали, бумаги какие-нибудь забрать, чертежи. Но и то – в месяц раз. А то и реже.

Жизнь текла спокойно и размеренно. Беды, а уж тем более трагедии, не предвещало ничто.

Но беда пришла.

Давно привыкшая вставать рано баба Шура во второй раз пришла на кухню – приглядеть за чайником. Ну вот: импортный чайник за то время, пока она убиралась в одной из комнат, успел не только вскипеть, но и почти остыть. А в прежние времена как раз столько ждали. Все теперь быстро: живут быстро, умирают быстро. Быстро кипят, быстро остывают. И люди и вещи. Хорошо это? Может быть, хорошо. Только, говорят, к хорошему человек скоро привыкает, а вот она никак ко всему этому привыкнуть не может.

Александра Васильевна снова включила чайник (тот сразу загудел – техника дошла!) и, присев к столу, задумалась. Так. Сейчас чаю попить, потом уборку закончить. Сегодня на уборку больше времени уйдет – одной стараться надо. Вере еще с вечера нездоровится. Лежит. Плохо дело. Надо будет узнать: может, у Володи какие связи. Мать-то на лето в санаторий какой-нибудь отправить надо. Никогда Вера не просила ни о чем сына и сейчас не попросит. Да сестра-то у нее родная на что? Володя, кажется, не поднимался еще. Значит, позже поговорить. А после уборки – в магазин. И в аптеку съездить надо. Местная аптека – вот она, на углу. Да ведь там цены – страх один. Конечно, жаловаться Коробковым грех: денег вроде бы на все хватает. И сыты. И одеты. И обуты. Да только за что ж лишние рубли переплачивать? За то, что в центре живем? Нет уж. Мы и на окраину съездим. Негордые. А деньги целее будут. Тыфу ты, пропасть, опять чайник прозевала. Снова включить? Ладно, так заварим. Вот, правду сказать, чай теперь действительно хороший стал. Володя не вставал? Нет, слышалось. Ладно, одна попою. И за работу.

...Из аптеки баба Шура вернулась уже ближе к вечеру: действительно, дела заняли много времени, больше даже, чем она предполагала. Уже поднимаясь в лифте, Александра Васильевна вспомнила о том, что хотела сегодня приватно побеседовать с племянником. Ладно, прямо сейчас и поговорят. Вера не помешает – лежит до сих пор наверняка.

Но сестра встретила ее на ногах, приняла из рук полные сумки и просила не шуметь – у Володи гости.

– Что еще за гости? – Никакого раздражения по поводу того, что кто-то навестил ее племянника, Александра Васильевна не испытывала. Но строгости и внешнего недовольствия на себя, на всякий случай, напустила – по старой привычке старшей сестры.

– Не ворчи. Не гости даже, а гость. Старый товарищ, еще по армии сослуживец.

– Ну и где этот сослуживец? – несмотря на то что ворчливый тон ей не позволяла сбросить гордость, обув баба Шура снимала очень аккуратно – не дай Бог стукнуть чем, скрипнуть – Володечке помешать.

– В гостиной сидят.

– В большой комнате? Ишь ты какая барыня стала: «гостиная»!.. Сама-то чего поднялась? Выздоровела?

– Да хорошо со мной все, хорошо. Не шуми.

– Я и не шумлю. Угостили хоть гостя чем-нибудь?

– Да не хотели они ничего. Я предлагала – отказались. Володя только чаю попросил – отнесла. А так они того... коньяк вроде пьют.

– С чего это вдруг? Балуеть ты Володьку, Вера.

– Да перестань. Взрослый мужик давно. Ну, встретился с товарищем, ну, выпили немного... Не шуми.

Махнув рукой, как бы говоря, что мол, разбирайтесь сами, не до вас, Александра Васильевна двинулась на кухню. Но, проходя мимо закрытых дверей гостиной (и чего это вдруг закрываться выдумал – никогда такого не было!), невольно прислушалась.

Батюшки, да уж не ссорятся ли? Нет, конечно же, Вовиноного голоса не слышно – он всегда тихо говорит. А второй, незнакомый... Да о чем они там?

Неожиданно баба Шура услышала глухой звук удара, а следом за ним – грохот, как будто на пол упало что-то большое и тяжелое... И стекло зазвенело. Да что же там такое, Господи?!

Никогда бы Александра Васильевна не стала беспокоить своего любимого племянника. Всегда была в нем уверена: хоть потолок обвалился, а уж Володя невредим будет. Что с ним, таким осторожным, таким тихим, таким умницей, случиться может?

А на этот раз, сама не зная почему, баба Шура резко толкнула дверь гостиной. Не постучала даже. И застыла на пороге, широко раскрыв глаза.

С тяжелой вазой в руках Владимир Коробков стоял над телом не знакомого ей человека. Именно над телом. Над трупом. Не спасти уже. Она – баба Шура – в госпиталях да в больницах всю жизнь проработала, сразу видит все: не спасти. Никак не спасти. Александра Васильевна тяжело опустилась на пол и прислонилась головой к дверному косяку.

Глава 4

– Докладывайте, – закуривая, сказал Турецкий.

Дежурный следователь райотдела смотрел на знаменитого «важняка», как на Бога: со страхом, восхищением и надеждой выглядеть в его глазах лучше, чем есть на самом деле.

Турецкий же не смотрел на дежурного следователя. Он стоял посреди обширной гостиной в квартире покойной. Гостиная тремя окнами выходила во двор. На двух окнах оранжевые шторы были опущены. Третье – крайнее – окно, из которого женщина упала (или выпрыгнула), было открыто. В него дул пронизывающий сквозной ветер.

Взгляд Турецкого был прикован к картине, висящей над диваном. «Важняк» пытался разгадать, что на ней изображено: струнный квартет или четыре разномасштабные женские фигуры? И знал ли сам художник, что именно он изобразил? Но все это не относилось к делу...

– Я слушаю, – не поворачиваясь, напомнил Турецкий.

Молодой человек спохватился:

– Значит, патрульная машина выехала на сигнал, обнаружила тело там, где сказал бомж, возле мусорных контейнеров. Патрульные по радиации передали в отдел. Мне позвонили, я приехал в отдел. Еще немного подождал, пока придут криминалист и помощник криминалиста. Прибыл на место в начале третьего ночи. Патрульные все это время находились возле трупа.

– Во сколько бомж обнаружил труп?

– Он не знает. Часов-то у него нет. Утверждает, что сразу пришел в отдел, но...

Молодой следователь замаялся. Он не знал, стоит ли сообщать «важняку», что дежурные милиционеры для острастки посадили бомжа в «обезьянник», а патруль оказался на месте минут через тридцать – сорок после сообщения о трупе.

– Примерно?

– По его словам, все случилось около двух часов ночи. Может, без десяти два, без пятнадцати... Приблизительно.

– Бомжа отпустили?

– Нет, спит у нас в отделе. Если желаете его расспросить...

Турецкий кивнул.

– Будет видно. Дальше?

Следователь заглянул в блокнот. Он не сверялся с записями, просто собирался с мыслями.

– Пока криминалист и врач осматривали труп, я нашел дворника. Дворник опознал в покойной женщину из квартиры 125. Я поднялся в квартиру.

Тут следователь запнулся.

– Дальше? – нетерпеливо дернулся Турецкий. – Вошли вы в квартиру?

– Да.

– Вы помните, что без санкции прокурора не имели права взламывать запертую дверь?

– Дверь была открыта, – быстро проговорил следователь.

– Точно открыта?

Турецкий обернулся к молодому человеку, впился в него взглядом. Следователь потупился.

– Я не прокурор, мне плевать, как ты сюда попал, – медленно произнес Турецкий, не сводя с мальчишки пристального взгляда. – Так была дверь открыта или закрыта? Подумай.

– Закрыта, – очень тихо признался тот.

– Выйдем, – кивнул Турецкий.

Они вышли в прихожую, затоптанную грязными следами многочисленных ног, прошагавших через нее этой ночью.

Турецкий осмотрел двойную входную дверь и сложные замки. Заметил следы взлома – пару царапин на замке, понятных только профессионалу.

– Чем открывал?

– Вот этим, – признался молодой человек, протягивая «важняку» набор отмычек.

Турецкий посмотрел на них, хмыкнул про себя: «Все гениальное просто».

– Обе двери были заперты?

– Нет, только наружная. Со стороны квартиры дверь стояла нараспашку.

– Интересно. Криминалист уже снял отпечатки?

– Да.

Турецкий поколдовал над замком, щелкнул какой-то задвижкой и с удовлетворением устался на многочисленные собачки замка, выскочившие из своих гнезд. Четыре стальные собачки, сантиметра по три каждая. Маловато... Турецкий еще повозился с замком, но дальше собачки не выдвигались.

– На сколько оборотов замок был заперт? На один?

Молодой следователь наморщился, вспоминая.

– Н-нет, кажется... Щас, щас...

Он принялся энергично массировать виски, напрягая мозговые извилины.

– Щас, щас, – повторил он. – Нет, не на один, больше. Да, точно, на три. Или на два... Вроде бы... Нет, все-таки на три.

Турецкий повторил эксперимент, но на этот раз вытянул молодого человека с собой на площадку и потребовал сначала запереть дверь снаружи, а потом открыть. Пыхтя и потев, тот запер дверь, а затем вторично совершил взлом.

– О, точно! – радуясь, что угадал, воскликнул он, любовно поглаживая замок. – На три оборота закрывается, как я и сказал!

«Всего на один оборот этот замок запирается из квартиры, – отметил про себя Турецкий, который уже встречал похожую систему. – На полный оборот замок запирается только снаружи».

Что это давало?

В принципе, ничего.

Ничего, кроме смутного предположения о том, что в квартире с погибшей женщиной за некоторое время до ее предполагаемого самоубийства находился еще кто-то. И у этого призрачного человека имелись ключи от ее квартиры, потому что, уходя, он запер ими снаружи дверь.

«Нелепый замок, – зачем-то подумал „важняк“. – Отпирает на три оборота, а запирает только на один. Почему?»

«Да потому, – ответил язвительно внутренний голос, – что у них там, на Западе, на родине этого „мэйд ин Джемани“ замка, считается излишеством запирает дверь изнутри, когда хозяева дома. Излишеством и предрассудком. Вот почему...»

Мимо них протопали на выход эксперты, унося чемоданчики с оборудованием. Турецкий простился со знакомыми за руку, перекинулся парой общих фраз о погоде, о болях в спине и о пользе русской бани вообще и при подобных болях в частности.

Затем он и молодой следователь вернулись в гостиную.

– Дальше? – произнес Турецкий закуривая, хотя мог бы и сам рассказать все, что произошло. И все же – не он первый оказался в квартире покойной. К сожалению... Или не к сожалению?..

Такая красавица. Так молода. И так страшно умереть... Хотя что значит «страшно»? Он видел женщин, буквально разорванных в клочья взрывом, которые умирали медленнее и мучительнее, чем эта.

И все таки... Он привык к смерти. А для этого парнишки-следователя все впервые. Он эту ночь и эту красивую покойницу не забудет до конца своих дней, он будет вспоминать эту историю, когда выйдет на пенсию, рассказывать внукам и привирать подробности, которых не было.

– Дальше, – сказал Турецкий, присаживаясь на желтый кожаный диван под картиной с женщинами-виолончелями. – Итак, ты вошел в квартиру... Дальше?

Дежурный следователь переступил порог квартиры номер 125.

За ним вошли дворник и один из патрульных. Войдя в прихожую, они невольно загляделись по сторонам и замедлили шаг.

– М-да! – протянул дворник.

– Шикарно живут, – с завистью в голосе подтвердил патрульный милиционер.

– И свет всюду горит.

– Зачем им экономить?

– Ей, – поправил дворник. – Ей экономить... Она одна тут жила.

– Такая шикарная баба и одна? – недоверчиво ухмыльнулся милиционер и тут же переключил свое внимание на ряд выпуклых желтых светильников в полу.

Светильники освещали длинную прихожую призрачным нижним светом, отчего на стенах и потолке колебались длинные, вытянутые тени.

– Зачем ей лампочки в полу?

– Извращаются люди, – протянул дворник, тоже разглядывая выпуклые, словно рыбы глаза, полушария светильников.

Прислушиваясь одним ухом к этим разговорчикам, дежурный следователь шел впереди, как Иван Сусанин. Тишина в квартире подтверждала, что женщина действительно жила одна. Жила одна и умерла одна...

– Может, хоть записку оставила? – спросил дворник.

Ему очень хотелось прочитать предсмертную записку, наверняка объяснявшую, зачем эта красивая девушка выбросилась из окна одиннадцатого этажа. Новость номер один для всего квартала!

– Сколько же тут комнат? – удивлялся вслух милиционер. – Заблудиться можно.

– Откуда она выбросилась? – в свою очередь спросил следователь, заглядывая поочередно во все двери. – С балкона, что ли?

– С балкона удобнее, – подтвердил дворник. – Удобнее, чем из окна, в смысле бросаться.

– Обычно все с балкона прыгают, – поделился опытом милиционер. – Из окна редко.

Следователь наконец обошел всю квартиру и более-менее свыкся с нестандартной планировкой. В одной комнате он обнаружил открытое окно, но никакой записки, никакого предсмертного письма...

– И чего это людям не живется в таких хоромах? – вздохнув, изрек общее мнение дворник.

– Да, мне бы такую квартирку, – усмехнулся следователь, – я бы лично плевал на все проблемы с высокой башни.

– Станешь генпрокурором – получишь, – буркнул под нос политически подкованный дворник.

– Ну что? Надо составлять протокол... Как ее звали, покойную хозяйку?

– Не знаю, – пожал плечами дворник. – Я ее только в лицо и знал.

– Поищем документы.

Следователь, зная по опыту, что люди обычно хранят личные документы в ящиках и выдвижных ящиках секретеров, комодов или бюро, обвел взглядом квартиру в поисках подходящей мебели. Пузатый низенький шкаф со множеством витиеватых замочков, кажется, под-

ходил. Следователь принялся перетряхивать содержимое ящиков. Женщина, жившая в квартире номер 125, оригинальностью по части припрятывания личных вещей не отличалась. В верхнем же ящике следователь обнаружил ее паспорт, водительские права, полугодовой абонемент в фитнес-клуб, шкатулку с документами на квартиру, загранпаспорт и множество других бумажек.

– Тэ-экс, – прогугнил следователь, зубами открывая колпачок шариковой ручки.

Он быстро перелистал странички паспорта, задерживаясь на листках с отметками.

– Лебедева Полина Павловна, русская, семьдесят шестого года рождения, не замужем, прописана по этому адресу...

Следователь диктовал самому себе. Присутствующих эти факты не волновали. Они разбрелись по хоромам, стараясь не особенно следить, и всеми фибрами души впитывали в себя аромат чужой роскоши.

Следователь перелистнул загранпаспорт на страничку с визами и штампами о пересечении границы.

– Американская виза, шенгенская многоразовая... Круто! Прямо Мата Хари какая-то, – вслух высказался он, хотя ни дворник, ни патрульный не могли его слышать.

– Вот откуда она выбросилась, – крикнул дворник из глубины квартиры.

Следователь заглянул в гостиную, из которой донесся голос дворника. Тот стоял у открытого окна, высунувшись в него по пояс, и смотрел вниз.

– Осторожно! – предупредил на всякий случай следователь. – Отойдите от окна. Там остались отпечатки пальцев.

Дворник нехотя отошел в сторону.

– Почему все-таки из окна? – гнул свою линию милиционер. – Неужели балкона в такой квартире нет?

– Вот почему, – кивнув на полукруглую застекленную нишу в стене, объяснил следователь. – Здесь по плану должна быть лоджия, – он похлопал по ладони выпиской из домовой книги, найденной в шкатулке вместе с остальными бумагами. – Лоджию она застеклила и присоединила к комнате. Вот почему она могла выбраться только из окна.

Милиционер осторожно приблизился к застекленной нише, обогнул кадки с ярко-зелеными папоротниками и араукариями. Выглянул через стекло, посмотрел вниз, во двор.

– Да, точно.

Следом за ним такую же экскурсию совершил дворник.

– Хитро придумано, – одобрил он, осматривая нишу. – Лишние четыре квадратных метра жилплощади сэкономлено. Толково.

Он постучал ногтем по стеклу.

– Осторожно! – напомнил следователь.

– Стеклопластик, – заметил дворник. – Наверняка еще и тепло удерживает. Эх!

Он так тяжело вздохнул, словно, задерживая тепло в этой квартире, окно из стеклопластика похищало его из квартиры самого дворника.

Внимание милиционера привлекла металлическая стойка для компакт-дисков. Изысканно выгнутые металлические трубы упирались в монументальное мраморное основание, а вся конструкция была украшена деталями из кварцевого стекла с подсветкой.

– Ничего здесь не трогайте, – снова предупредил следователь и отступил в глубь квартиры, так как не все еще было осмотрено.

– Один момент, – остановил его Турецкий.

Следователь насторожился. Что-то не так?

– Хочу кое-что уточнить. Ее документы лежали в беспорядке, кое-как, наспех сложенные? Или наоборот, все на своем месте, аккуратно, методично? Вообще, в ее вещах был порядок?

- Да, – утвердительно кивнул следователь. – В квартире был порядок, никаких следов...
- Про следы немного потом, я имею в виду другое.

Турецкий сложил руки лодочкой, пытаясь объяснить свою мысль. Он хотел узнать, что за характер был у покойной Полины Лебедевой. Безалаберный, легкомысленный, неметодичный – или же она была натурой собранной, пунктуальной, любившей во всем порядок.

Женщины, даже если в их апартаментах хозяйничает домработница, не допускают наемную прислугу в святая святых – к своим бумажкам. Таким образом, у натур несобранных в шкафах и ящиках творится хаос. С глаз долой – вот их главный девиз, и содержимое многочисленных коробок и комодов хранится годами в страшном беспорядке.

Если же все разложено по полочкам, нигде ни пылинки, каждая папка, каждая книга на своем месте – так и знай, хозяйка квартиры аккуратистка и любит в делах точность. Вернее, любила... В прошедшем времени.

И тогда становится странно, почему, решив уйти из жизни, женщина не оставила никакого предсмертного письма, если она любила точность и порядок во всем. Даже если она отправила письма своим друзьям, родственникам, любовнику, все равно она должна была оставить какую-то записку тем людям, которые ее обнаружат. Так обычно поступают самоубийцы.

Турецкий пожалел, что не он первый приступил к обыску в квартире. Наверняка теперь все сдвинуто со своих мест, рассыпано, наспех и кое-как распахано по прежним местам... Нет, сейчас он бы не поручился за правильность выводов, даже проведя три обыска в спальне покойной.

- Вы поняли, что я имею в виду?

Чело молодого следователя избороздили морщины. Ему хотелось, чтобы процесс усиленного мышления отразился на его внешности.

– Да. Понял. Постараюсь вспомнить точно... – Он сделал паузу. – В спальне был порядок. Постель застелена, не смята. Никаких посторонних предметов на тумбочках. Все чисто. Люстра не горела, я ее зажег... Так, что еще? В комодке белье лежало аккуратно, стопками, перевязано ленточками, как у немцев...

- Вы бывали в Германии? – заинтересовался Турецкий.

Молодой следователь покраснел.

- Жена любит покупать немецкие журналы, «Бурды» всякие.

- Ничего. Это к делу не относится, – поправился Турецкий. – Дальше?

– В ящиках тумбочки и в шкафу тоже полный порядок. Документы на квартиру лежали в шкатулке, паспорт и все такое – на дне ящика. В остальных ящиках – белье. Нижний ящик был заперт на ключ.

- Да? Как вы его открыли?

Следователь снова покраснел.

- Ну, как и дверь... Своими ключами...

- Ладно, проехали. И там вы увидели это?

- Да, увидел. Вернее, не сразу...

Этот запертый нижний ящик пузатого шкафчика сразу показался ему подозрительным. Что может храниться в запертом ящике, если в верхнем – открытом! – хозяйка оставляет все свои документы, пластиковые банковские карточки и деньги в рублях и валюте... Не много денег, но это смотря для кого какая сумма считается «много».

Молодой следователь опустился на пол, на мохнатый прикроватный ковер из белых шкур. Наклонился к замку ящика. Осмотрел его. Затем вынул из кармана связку отмычек, выбрал одну и вставил в замочную скважину. Не получив результата, выбрал другую, третью... Четвертая подошла.

С волнением потянул на себя ящик, ожидая увидеть россыпи золота, бриллиантов или хотя бы оружие на худой конец.

Вместо этого он увидел корешки пухлых кожаных переплетов. Фотоальбомы! Тьфу! И чего только люди не хранят... Скажи ты...

Он взял верхний альбом и открыл.

Открыл и застыл как соляной столб.

Ему стало так жарко, словно на него пролился дождь из огня и серы. Затем ему стало так холодно, что зубы защелкали.

Затем он дрожащими руками засунул альбом обратно в ящик. Вскочил. Дико огляделся по сторонам, словно опасался расставленных по углам тайных видеокамер. Рванулся к выходу из спальни и замер на месте.

«Ведь никто же мне не поверит!» – ударила в виски мысль.

Он опять рухнул на колени перед шкафом, рванул на себя ящик и схватил верхний альбом.

Снова перелистал его, будто опасаясь, что увиденное им исчезло, как галлюцинация.

Но фотографии, за которые любой папарацци отдал бы полжизни и правый глаз в придачу, эти кошмарные фотографии лежали в своих целлофановых обертках.

Следователь захлопнул альбом и сунул его под рубашку, за брючный ремень. Выпустил побольше складок, чтобы скрыть необычную полноту.

Выбежал в коридор. Едва не поседел, увидев, что дворник и милиционер расселись, как у себя дома, и смотрят хозяйский телевизор с плоским экраном.

– Выключи!!! Сию же минуту!!! – страшным голосом заорал он. – Немедленно уходим. Я возвращаюсь в отдел. Ты, – он ткнул в милиционера, – стой рядом с телом и ни одну муху не подпускай, понял?! А ты, – он с сомнением посмотрел на дворника, физиономия которого не внушала ни малейшего доверия, – ты чтоб пока никому ни слова, ни одной живой душе.

– А что случилось? – спросил дворник, излучая миллион кюри любопытства.

– Ничего. Меня срочно вызвали. Сматываемся!

Следующий час прошел в страшной суете и суматохе.

Результатом этих потрясений стал ночной звонок Меркулова.

Остальное Турецкий успел увидеть своими глазами.

– Где сейчас альбом?

– Со мной.

– Дайте мне.

Следователь протянул Турецкому пухлую кожаную книжицу. Турецкий открыл ее на середине. Пролистал ее до начала, затем – от середины до конца. Его взгляд выискивал на всех снимках одно-единственное лицо. Полноватое лицо умеренно пожилого, умеренно лысеющего, умеренно толстеющего мужчины лет шестидесяти. Мужчина предстал на фотографиях в различных ракурсах, с различным антуражем. Он позировал под пальмой на краю бассейна, позировал в играющей лазурной воде, позировал в пляжных шортах и в солнечных очках, позировал в костюме Адама с крупной виноградной гроздью в области причинного места, и без нее...

Да, таких фотографий своего премьер-министра Россия еще не видела. И не увидит. Для этого Турецкий и был поднят среди ночи.

Загорелый шестидесятилетний мужчина на водном мотоцикле. Вот он упал в воду... А вот он вытряхивает песок из сандалет... А вот он обнимает за плечи загорелую темноволосую девушку в купальнике. А вот они вместе строят из песка замок... Вот они в постели. Рядом с его полным, стареющим телом особенно бесстыдно смотрелась обнаженная фигура девушки.

Кадры идут один за другим. Эту пленку отщелкали за один день, распечатали снимки и в хронологическом порядке рассовали фотографии по целлофановым ячейкам. Пальмы и белоснежный пляж. Лазурь... Облака неизъяснимой белизны, по форме напоминающие взбитые сливки... Мозаичный бассейн, деревянные шезлонги, коктейль в кокосе с соломинкой.

И рядом с премьером Полина Лебедева – девушка двадцати пяти лет, одиноко живущая в апартаментах на одиннадцатом этаже дома класса «люкс»... Прямые темные волосы, полные губы, огромные глаза, изящное тело фотомодели.

Кто делал эти снимки? Она снимала Разумовского, а он снимал Полину?.. А на тех кадрах, где они вдвоем, камеру передавали телохранителю?

Вот Полина и Разумовский, сидя на краю мраморного бассейна, кормят золотых рыбок. Его рука лежит на ее загорелом колене.

Полина и Разумовский спускаются по каменным плитам горной тропинки в саду, позади – с высоты птичьего полета – тонкой белой извилистой линией едва просматривается полоска пляжа. Море синее, небо синее, воздух густ от жары. Она держит его за руку. Вид у них усталый и счастливый. Некоторые снимки были настолько откровенными, что, попади они в прессу, о скандале с прокурором Скуратовым можно было бы забыть, как о невинной детской шалости.

Турецкий захлопнул альбом.

– Там еще много таких, – словно угадав его мысли, сказал следователь.

В гостиной повисло молчание.

– Я могу идти? – робко напомнил о себе следователь.

– Да, конечно, идите. Надеюсь, нет нужды напоминать вам, что огласка недопустима?

Глаза молодого следователя испуганно округлились.

– Я все понимаю, – поспешно кивнул он.

Турецкий пожал ему на прощание руку. Следователь заалел от гордости, как новобранец.

Оставшись в одиночестве в гостиной, «важняк» подошел к окну и посмотрел вниз. Перед ним простерся последний путь девушки с прямыми темными волосами и по-детски удивленно распахнутыми глазами. Одиннадцать этажей. Ветви ясеня замедлили падение, но не спасли. Полина Лебедева...

Почему? Он знал, что живым уже никогда не ответить на этот вопрос, даже если факт самоубийства подтвердится на сто процентов. Живым не понять логики мертвых, даже если вскрыть все мотивы и предпосылки. Просто одни совершают это, а другие не совершают, вот и все. Вот и вся логика.

Глава 5

Утро было тихим и ясным. Надо же, подумалось Гордееву, кажется, что машины стали меньше гудеть. Странно. А может быть, просто настроение такое. Отошли на задний план ненужные волнения, прошел азарт первого дня работы над делом. Теперь адвокат Гордеев был спокоен, как черепаха.

Он рано встал, аккуратно побрился, надел новый костюм, к костюму выбрал строгий галстук. Короче, когда чуть не первым посетителем явился в здание Прокуратуры Центрального округа города Москвы, его могли бы, пожалуй, принять за иностранного дипломата. Но не приняли. Во-первых, нечего иностранному дипломату делать в окружной прокуратуре. А во-вторых, не совсем был прав Валентин Константинович Петров, руководитель НИИ в Дубне, когда говорил, что Юрий Гордеев – фигура незаметная. Ну, разумеется, на улицах не узнают (хотя, пару раз бывало – узнавали), ну, женщины при первой же встрече на шею не бросаются (хотя и в подружках Гордеев никогда недостатка не испытывал). Что ж с того? В окружных прокуратурах он бывал не раз – в прокуратурах его знают, факт.

Не очень удивило Гордеева и то, что служители Немезиды уже были в курсе, по какому вопросу явился адвокат. Встретили во всеоружии. Нет следователя Волочаева? Ах, какая жалость! А не подскажете, когда он появится? Вы не знаете? В таком случае вы нарушаете должностные инструкции, ибо обязаны знать, где в данный конкретный момент находится ваш сотрудник и когда он явится на работу. К обеду придет? Прекрасно. Мне необходимо с ним побеседовать по делу Владимира Коробкова. Семья Коробковых наняла меня в качестве юридического представителя вышеназванного подследственного. А кстати... Ну и так далее, и так далее. Чем раздраженнее с ним разговаривали, тем любезнее и спокойнее становился Гордеев.

И еще до прихода следователя Василия Волочаева (наверное, действительно мальчишка, никто его в прокуратуре по отчеству не зовет) адвокату было ясно, что отвертеться никто не сможет – суд придется отложить. Кто бы там дело ни торопил – закон есть закон. Скандала никто не хочет. А все знают: несмотря на безукоризненную вежливость в разговоре, адвокат Юрий Петрович Гордеев дело свое знает. И если посчитает нужным, скандал будет что надо: икнется очень и очень многим.

Пробыв в прокуратуре несколько часов, Гордеев, памятуя о вчерашней ошибке, отправился в кафе – переждать время до появления следователя и подкрепиться. Салат, жареная рыба, бокал белого вина... Научились же сервису! А может, правда – просто настроение хорошее? Все как по маслу идет. Стоп! Не сглазить. Теперь главное – встреча со следователем. А там посмотрим...

...Следователь Василий Волочаев с детства привык считать себя неудачником. И, увы, в его случае такое определение было вполне справедливо. Не помог бы (и, кстати сказать, в свое время, когда нужная книжка попала Волочаеву в руки, не помог) и Дейл Карнеги со товарищи. Если справедливо утверждение, что нет такого человека, профессия которого не родилась бы вместе с ним, то профессия Волочаева – следователь прокуратуры – очевидно, очень удивилась, когда узнала, кто будет ее хозяином.

В школьные годы Вася Волочаев был заурядным отличником (бывает и такое!). Не курил, не дерзил преподавателям, со средним успехом занимался спортом: восточными единоборствами (во времена его детства они как раз вошли в моду). Не выдвигал на уроках сомнительных теорий, не читал ничего сверх программы. Зато саму программу, часами просиживая над учебниками, знал назубок. Его сдержанно хвалили – и только. Ставили заслуженные пятерки. А между тем Волочаев умудрился просидеть два года в третьем и в шестом классах.

В третьем – из-за болезни: воспаления желез (каких именно – сам Волочаев в точности не помнил, а может быть, и не знал). В шестом дали о себе знать скрытые комплексы. Ясным зимним днем Вася отправился с несколькими одноклассниками кататься на лыжах. Друзей у него не было, зимних видов спорта он не любил, но слишком отрываться от коллектива было невыгодно: могли посчитать задавалой и при случае побить. Все шло хорошо, пока компания каталась по относительно ровной поверхности: Василий плелся по лыжне позади всех, в разговоры не вмешивался; когда к нему обращались с вопросами, благодушно поддакивал. Но когда стали кататься с горы, Волочаев отошел в сторону. Горка – это серьезно. У него дрожали колени при одной мысли о том, как больно падать на крутом спуске. Через час остальным лыжникам спуск показался недостаточно крутым. Решили соорудить импровизированный трамплин. Соорудить соорудили, а вот прыгнуть с этого трамплина не решался никто. Минут двадцать продолжались шутки, отнекивания, обвинения друг друга в трусости, но дело так и не двигалось.

И тогда вперед вышел тихий Вася Волочаев. Он решил, что пришел его час удивить мир. А заодно (не менее честолюбивое и понятное желание) приобрести вес в глазах школьных товарищей. Заняв исходную позицию, он оттолкнулся палками и покатился к страшному трамплину. Выпрямив ноги и зажмурив глаза. Ни того ни другого не следовало делать ни в коем случае...

Волочаев сломал ногу и несколько месяцев провел в гипсе, предаваясь невеселым мыслям о тяжести человеческой судьбы. Кость срасталась плохо, врачи утверждали, что случай уникальный: такой неудачный перелом бывает раз в сто лет.

...В восьмом классе Волочаев влюбился. Катя Молчанова была его ровесницей, но училась двумя классами старше. И в другой школе – в соседней. Девушка была красивая, бойкая, любила дискотеки и молодых людей в дорогих автомобилях. Дорогого автомобиля у Волочаева не было. Этот свой недостаток влюбленный прекрасно осознавал, но не в силах был ничего с собой поделать. Раз увидев Катю на улице (беспечное небесное создание в мини-юбке, густая челка, сигарета в тонких нежных пальцах), он решил, что это – судьба. Забегая вперед, скажем, что это действительно была судьба, но не такая, какой представлял себе ее Василий.

Неожиданно для окружающих Волочаев стал завсегдатаем самой популярной в районе дискотеки. Подсмотрел и выучил несколько танцевальных па. Вызывал насмешки своей неуклюжей бойкостью в потной толпе трясущейся под музыку тусовки. На насмешки не обращал внимания. Спустя полтора месяца решился небрежным кивком (этот кивок он неделю репетировал перед зеркалом) пригласить Катю на медленный танец.

По окончании дискотеки его отвели в сторону трое и ласково объяснили, чтобы он не смел к известной особе и близко подходить. Что хватит с него девчонок и из своей школы и что данная дискотека вообще, без всякого сомнения, впредь сумеет обойтись без его присутствия. Волочаеву запомнились формулировки «козел в кепочке» и «шпендик бесхвостый». Однако объяснениям он не внял. На следующий день явился на дискотеку и снова танцевал с Катей. Потом проводил ее до дому.

На обратном пути в одном из переулков рядом с ним остановился новенький «Форд», из которого вылезли четверо в кожаных куртках.

Волочаева очень сильно побили. Приемы восточных единоборств не помогли: оказалось, что кроме теории очень важна практика. Кроме того, темный переулок – это не тренировочный зал, а четверо гораздо больше, чем один.

От Кати Василий отступился, даже не встречал ее потом никогда. Но привычные размышления о своей неудачливости на этот раз привели к совершенно неожиданным результатам. Возложив всю вину за несправедливость, творящуюся в мире, на людей в дорогих машинах, Волочаев решил, что будет мстить этим людям всю свою жизнь. Не могло быть сомнений в том, что на трудовые доходы приобрести себе «Тойоту» или «Форд» нельзя ни в коем случае.

Следовательно, все ненавидимые им люди – преступники, которые обманывают, обворовывают и грабят общество. Кто же напрямую борется с преступниками? Разумеется, представители власти: оперативные работники, следователи, криминалисты. Василий уже заранее предвкушал холодок вороненой стали табельного оружия в своей ладони. Решено: он пойдет работать в соответствующие органы.

Бывает, что навязчивая идея полностью завладевает и менее заурядными людьми, чем Василий Волочаев. Для него же она превратилась в манию. Боясь насмешек, он стал учиться еще лучше. Больше уделял внимания своему физическому развитию. Со злорадным удовольствием прочел несколько детективных романов.

Завершив среднее образование, поступил на юридический. Своей сосредоточенностью на занятиях и вдумчивой целеустремленностью вызывал даже некоторое недоумение. Почтительное – у преподавателей. Снисходительно-насмешливое – у сокурсников. В связях, порочащих его, замечен не был, да и не мог быть: самое предосудительное место, в котором он бывал, – кинотеатр. Волочаев обожал детективные фильмы. Женщин избегал. Те даже обижаться начали. Но Василий не обращал внимания на такую ерунду. Заветная цель была все ближе и ближе.

По окончании учебы Волочаев был направлен в одну из окружных прокуратур стажером. В течение полутора лет занимался почти исключительно писаниной – серьезных дел ему почему-то не доверяли, но внушали, что составление описей и копий протоколов – дело тоже серьезное. Волочаев ворочал кипами бумаг, сутками не отходил от компьютера, но никогда не жаловался. Верил, что час его придет.

И верно – час пришел. Очевидно, добросовестность и терпеливость вознаграждаются не только в романах. Волочаев наконец стал следователем Прокуратуры Центрального округа города Москвы. Заполнил нужную анкету. Потом – еще одну. И еще. Потом долго входил в курс дела. Точнее, нескольких дел сразу. Месяцами не отводил взгляда от дисплея.

Стал забывать, что у него есть личное оружие. Решил, в конце концов, что жизнь, в сущности, все-таки не удалась, что на работе его не ценят, затирают.

И вдруг свершилось. Ему поручили дело. Собственное. Важное. Да еще какое важное – убийство! Волочаев воспрял духом. К месту преступления спешил, едва не подпрыгивая от нетерпения на сиденье машины. Эх, жаль искать никого не надо. Преступник дожидается следователя Волочаева прямо над телом жертвы. Владимир Коробков. Я тебя выведу на чистую воду, Владимир Коробков! Ты у меня попляшешь!..

Каким образом следует выводить на чистую воду человека, который никоим образом не отрицает своей вины, и почему этот человек должен вдруг плясать – об этом Волочаев не задумывался. Почему ему, совершенно неопытному следователю, поручили такое важное дело – тоже.

Думал обо всем этом адвокат Коробкова – Юрий Гордеев. Думал с того момента, как был введен в курс дела. А перед встречей с Василием Волочаевым, следователем окружной прокуратуры, думал особенно напряженно...

...Закончив трапезу, Гордеев подозвал официанта и спросил счет. Взглянул на часы: как раз самое время. Добродушно вложил в принесенную официантом папочку довольно крупную купюру сверх счета – на чай. Бывший до этого довольно мрачным, посредник между кухней и желудком алчущих клиентов оживился, заулыбался даже:

– Приходите к нам еще. У нас всегда рады гостям.

Нет, все-таки до европейского сервиса нам далеко. Даже для того, чтобы поблагодарить клиента за чаевые, обслуживающий персонал пользуется расхожими фразами из телевизионных реклам. Впрочем, ладно. Официант ведь не обязан иметь филологическое или профессиональное актерское образование...

– Обязательно зайду. У вас очень хорошо кормят.

– Вы знаете, – доверительно улыбнулся официант, – я, честно говоря, студент ГИТИСа, актер. Вот никак нигде по специальности устроиться не могу.

Однако... Несколько озадаченный таким поворотом дела, Гордеев наконец расхохотался и хлопнул незадачливого служителя Мельпомены по плечу:

– Ничего, друг, прорвемся. Зовут-то тебя как? Потом, когда прославишься, я об этой встрече приятелям рассказывать буду.

– Славик меня звать. Гордеев.

– Гордеев? Ну, ну... Запомню.

– Правда? – Парень просиял.

– Не сомневайся.

Так. К чему бы все это? Впрочем, ладно. Гордеев вышел на улицу, которая в этот час была полна людьми: мелкие чиновники, представители различных фирм и прочие несчастные, которым приходится в ожидании законного отпуска проводить летние дни в столице, спешили воспользоваться обеденным перерывом, чтобы утолить голод и жажду общения друг с другом не на глазах у строгого начальства. Много было в этой толпе и празднующихся, глазающих на Москву туристов: робких и от робости слегка агрессивных провинциалов-соотечественников; беззаботных, поминутно щелкающих фотоаппаратами иностранцев в шортах и легкомысленных панамках... Где-то в этой толпе спешит сейчас, наверное, к месту работы и следователь Волочаев...

Но Волочаев был уже на месте. И немедленно принял Гордеева в своем рабочем кабинете.

Симпатичный, в сущности, паренек. Таких в кино снимают в ролях положительных, но нескладных персонажей. Курносый нос, веснушки. Копна рыжеватых волос. Серые глаза навыкате. Огромные, ставшие с самого начала разговора пунцовыми, уши. Трубку курит. Не идет она ему – трубка-то. Тоже мне Шерлок Холмс. Гордеев улыбнулся.

Его собеседник в ответ на улыбку прервал начатую фразу (и правильно, между прочим, сделал, а то окончательно завяз бы в куче междометий) и стал полностью малиновым. Даже веснушки пропали. Как рак вареный, прости, господи, за избитое сравнение.

Однако мысль о вареном раке подала Гордееву блестящую идею. Он еще раз улыбнулся (теперь ободряюще) и спокойно поинтересовался:

– А вы уже обедали сегодня?

– Да какая тут еда – голова кругом от всего этого идет! Вы себе не представляете, – парень говорил почти жалостливо.

– Думаю, что действительно пока не очень представляю. Но моя задача – представить себе все обстоятельства дела очень хорошо. Опираясь на факты. И без излишних эмоций. Поэтому пойдемте-ка, я вас угощу обедом. («Черт с ним, – подумалось, – съем еще одного морского окуня, готовят действительно неплохо».) А во время обеда вы мне все спокойно расскажете.

– Не знаю, – Волочаев явно растерялся.

– Поверьте, коллега, с юридической точки зрения никто не сможет утверждать, что обед в кафе – это подкуп следователя со стороны адвоката. И мне и вам действительно будет удобнее поговорить о деле в неофициальной обстановке.

– Материалы дела из здания прокуратуры выносить не разрешается, – следователь насупился.

– Дорогой мой, почему вы уверены, что моя цель – толкнуть вас на должностное преступление? Для изучения материалов мы вернемся сюда позже. А сейчас выйдем просто для того, чтобы спокойно поговорить. Идем, идем. – Гордеев снова улыбнулся, когда заметил, что почти рассеял сомнения собеседника. – Я тут знаю одно кафе. Там клиентов профессиональные актеры обслуживают. В основном комики. Обхохочешься. Мы прекрасно проведем время...

Через минуту Волочаев, почувствовавший неожиданное доверие и даже симпатию к этому человеку в строгом черном костюме, уже шел за Гордеевым по коридорам здания прокуратуры. Обедать. Надо же, он ведь действительно проголодался. Как это адвокат все приметил? Хитрый, наверное. Надо держать с ним ухо остро.

Но намерение Волочаева быть в разговоре мудрым, как змий, и расчетливым, как представитель Международного валютного фонда перед представителями России, очень быстро рассеялось как дым. Еще на улице Гордеев добродушно рассказал ему ветхозаветный анекдот про незадачливые любовные похождения героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. И был искренне удивлен неподдельным хохотом Волочаева. Так. И анекдотами этого парня в жизни не баловали. А важнейшее дело (важнейшее, огромной важности – Гордеев уже не просто чувствовал это, знал) сунули. Так, так. Интересно, похоже, подставили тебя, паренек, ох как подставили. Но кто и зачем – предстоит выяснить, а пока...

Гордеев как знакомому кивнул подскочившему к нему в дверях однофамильцу-официанту. Тот засуетился:

– Вот и хорошо, что снова зашли. Столик хороший как раз освободился.

Адвокат удовлетворенно кивнул (столик был действительно что надо: в глубине зала, тишина, уют, покой):

– Вот – товарища к вам привел. Пусть тоже насладится.

– Морской окунь? Две порции? И белое вино?

– Да, будь другом. – Гордеев предупредительно обернулся к Волочаеву: – Не беспокойтесь – вино сухое. Просто рыбные блюда и белое вино не существуют отдельно друг от друга. Как адвокат и следователь во время ведения общего дела.

Юрий Петрович ожидал, что Волочаев опять насупится, но тот неожиданно широко улыбнулся:

– Ага. Ясное дело.

Да нормальный парень. Ну, не везет молодому. Ничего, поможем, чем сможем. Попутно. Чего уж там...

Принесли рыбу и вино. Некоторое время Гордеев обсуждал с Волочаевым его и свои гастрономические пристрастия. Потом разговор перешел на достоинства и недостатки преподавателей юридического факультета Московского университета – оказалось, что Волочаев учился у многих из тех, кто в свое время сыпал на экзаменах и будущего честного адвоката Гордеева. Когда же подошли непосредственно к обсуждению дела Коробкова, глаза молодого следователя опять забегали – беспокойно и растерянно:

– По-моему, этот Коробков – просто сумасшедший. Псих, да и только. Ненормальный.

– В чем это выражается? – пододвинув к себе пепельницу, адвокат закурил (черт, что-то часто стал курить в последние дни, нехорошо). – Он что, буйно помешанный?

– Да нет. Наоборот, скорее. Вот представьте себе – убил человек другого человека. Что он будет после этого делать? Нужно же скрыть следы преступления, так? А этот и пальцем не пошевелил.

Гордеев позволил себе улыбнуться:

– У него два свидетеля. Тут шевели пальцами, не шевели – толку мало будет.

– Но можно же как-то этих свидетелей нейтрализовать. Хотя бы попытаться.

– В смысле убрать? Родную мать и тетку, которая его в детстве на руках носила? Я, признаться, в глаза пока не видел своего подзащитного, но почему-то не верю в то, что у него хотя бы мысль такая возникла. Да и вы не верите. Просто слишком торопитесь с выводами и логическими построениями.

– Ну хорошо, – скрытой издевки в словах собеседника Волочаев не заметил, – но внятно изложить мотивы преступления он мне мог бы?

– С какой стати? Если бы все преступники излагали работникам прокуратуры мотивы своих преступлений, мы с вами остались бы без работы.

– А вы действительно считаете, что он преступник?

Гордеев изумленно приподнял бровь:

– То есть? Существуют сомнения в том, что убийство совершил именно Коробков?

– Да нет, – Волочаев смутился. – Просто... Вы же адвокат. Должны его выгораживать...

Ну в смысле защищать...

«Ох, ну и дурак, – раздраженно подумал Гордеев, – неопытность неопытностью, но все, что он говорит, ни в какие ворота. Просто идеальный следователь, когда нужно закончить дело в одну неделю и отправить человека под суд. Так, так...»

– Коллега, – адвокат снова затянулся сигаретным дымом. – Мне кажется, что вы неправильно представляете себе положение вещей. Неправильно в корне. У меня нет цели освободить от заслуженного наказания преступника. И не должно такой цели быть. Как и у вас не должно быть желания во что бы то ни стало упечь данного конкретного человека за решетку в возможно короткие сроки. Наша с вами общая задача – докопаться до истины. А докопавшись, по возможности добиться справедливого приговора. Не как можно более мягкого или, наоборот, строгого, но справедливого... В каких отношениях до совершения преступления состояли подозреваемый и жертва? Они были друзьями в школе? Товарищами по работе?

– Пока мне не удалось это выяснить. Коробков работает в каком-то НИИ в Дубне...

– В каком-то?

– А что?

– Ничего, продолжайте, – Гордеев уже с трудом сдерживал раздражение.

– Ну вот. А убитый, судя по документам, никакого отношения к физике не имел. Значит, не товарищ по работе...

– Логично, – адвокат загасил окурок и подозвал официанта. Дальше продолжать этот разговор не имело смысла. – Пойдемте, я посмотрю бумаги. Может быть, это нам поможет.

Главное – не раздражаться. Спокойнее, адвокат Гордеев, спокойнее.

По возвращении в свой кабинет Волочаев создал для вежливого адвоката максимально удобные условия для работы: убрал со стола лишние бумаги, пододвинул пепельницу (Гордеев отрицательно качнул головой). И на том спасибо.

Так. Протокол. Сколько страниц? Ого! Ну, по крайней мере, этот Волочаев человек обстоятельный. Стиль изложения, конечно, хромает, но что поделаешь! Зато все подробно. Так. Так. Нельзя сказать, что подробности сильно захватывают, а вот это совсем лишнее, а вот это... Стоп!

Одно место в протоколе заинтересовало Гордеева чрезвычайно. Размышляя, адвокат просидел над нужной страницей не менее получаса. Потом, ничего не пропуская, дочитал документ до конца. Вернулся к так заинтересовавшим его подробностям. Взглянул на часы. Пожалуй, можно (и даже нужно!) успеть еще и сегодня. Разрешение получено. Хорошо, что с утра подсутился. Надо ехать.

Попрощавшись со следователем, Гордеев вышел из кабинета, спустился по лестнице, в третий раз за день вернул охране временный пропуск и, хлопнув входной дверью, направился к своей машине.

Очень интересно все это, очень. Ну ладно, Волочаев не додумался. А адвокат? Ведь это же ясно: такие подробности не могли быть незамечены. Очень интересно.

Гордеев сел за руль и включил зажигание. Барахлит что-то, надо в автосервис заглянуть. Когда время свободное выдастся. Только когда оно теперь будет – свободное время?..

Начинался час вечерних «пробок» на улицах. Если поздно приедет – могут отказать. Скажут, правила, то, се... Да нет, сообразил, не скажут. И везде-то у тебя, Гордеев, знакомства. Был бы ты жуликом – из любой бы ситуации вывернулся. Большие бы деньги зарабатывал. Жил

бы ой как богато... Эх, опять старая песня. А кто это, господин адвокат, всего несколько часов назад желторотому следователю про справедливость и торжество законности вкручивал? Той самой законности, которой без честных юристов полная хана придет. А когда придет она – эта хана законности, – то и всем нам, людям то есть, тоже хана. То-то.

А по фене-то ты, Гордеев, слабоват. Любой урка тебя на смех поднял бы. А вот туда же – чем ближе тюрьма, тем больше на язык словечек всяческих лезет. А словарь-то соответствующий ограничен. Так-то. Впрочем, и слава Богу.

А ты-то куда, придурок, на своем «Москвиче»? Ну вот, встали. Пробка. Так и знал. Ну почему именно в этом месте, в двух кварталах от Матросской Тишины – пробка? Неужели все так туда торопятся? Ну ты же, Гордеев, торопишься, может, и у других там дела.

Адвокат усмехнулся. Потом вытащил сигарету. Нет, и так больно много этой дряни в легкие напихал за последнее время. Черт, ну как же они все-таки там, в прокуратуре, не заметили таких важных подробностей? Не заметили или не хотели заметить?

Ведь ясно, что если у убийцы на момент совершения преступления на теле синяки, свежие ссадины – значит, между ним и жертвой была борьба. И нешуточная. Но это еще полбеды. Странно было бы, если бы никакой борьбы не было.

Но ведь на лице и груди жертвы, на одежде обнаружены следы чая. Что ж он так неаккуратно чай-то пил? Ну, допустим, пил вперемешку с коньяком – могла и рука дрогнуть. Да ведь коньяка-то выпили немного – бутылка только почата была. И Коробков, когда приехали забирать его, вполне трезв оказался. Значит (ну, давай, давай, чего встал, заводи свою керосинку – еще полсотни метров вперед продвинемся), этот чай ему в лицо выплеснули. Коробков выплеснул, которого, если родственникам верить, из себя вывести – постараться нужно было. А если верить безоговорочно, никто и никогда, как ни старался, вывести из себя Владимира Коробкова не мог.

А может, сказки все это? Старухи в нем души не чают. Ну и, конечно, он у них безгрешный: тихий, покладистый, справедливый...

Справедливый? Справедливый... А может, не зря он своему корешу в лицо чай выплеснул? Может, стоил того дружок-то?..

Стоп! Никаких необоснованных догадок. Вот и доехали. Нормально, Гордеев. Сейчас увидим твоего подзащитного, посмотрим, что это за птица.

Может, бандит, каких мало. Зверюга. Человека убил и не поморщился. А сейчас придумывает, как бы ему судей разжалобить. Впрочем, это тоже догадки. Да что ты, Гордеев, суе-тишься? Сейчас многое выяснится...

Еще до того, как войти в здание знаменитой Матросской Тишины, Юрий Петрович поймал себя на том, что ему очень интересно, по-человечески любопытно, каким окажется его подзащитный, загадочный Владимир Коробков...

Разумеется, часы, в которые заключенным разрешено встречаться со своими адвокатами, уже прошли. Вот так – понадобится тебе шкуру свою спасти, последний шанс у тебя, а время неурочное.

Хорошо хоть по разным местам разбросало бывших сокурсников (странная штука жизнь – еще недавно ведь думал об этом с горечью). Есть такой знакомый и в Матросской Тишине. Невелика шишка, но все-таки помочь сможет. На месте? Тогда передайте, что его желает видеть адвокат Гордеев. Юрий Петрович Гордеев. Да, правильно.

Глава 6

Сев в машину, Турецкий понял, что страшно голоден.

Сколько он успел выкурить натошак? Лучше не считать...

Перед глазами замаячил аппетитный сэндвич, приготовленный руками жены: каждый слой щедро пропитан кетчупом, переложен ломтиками сыра, бекона, кольцами свежего огурца и лука. Вкуснотища! Даже в желудке засосало.

Турецкий посмотрел в окно.

– Останови-ка здесь, – попросил он водителя. С утра он решил вызвать служебную машину, и теперь беспечно покуривал на заднем сиденье.

Являться натошак в прокуратуру – дурная примета. Не так уж сильно он запоздает, если позавтракает.

Пробежав пешком полквартиры (ближе негде было припарковаться), Турецкий заметил вывеску ресторана-бистро. Над дверью, когда он вошел, зазвенели китайские колокольцы. Зал показался ему уютным, запахи аппетитными, очередь у стойки недлинной. Он заказал рублевую котлету с картошкой, жульен, апельсиновый сок, кофе и ватрушку. Завтракать пришлось задом наперед: сначала подали сок и ватрушку, затем кофе, а за котлетой пришлось дополнительно бегать к стойке. Жульен приготовили последним. Он был горячим и обильно-грибным, что искушало задержку.

Две подружки студенческого вида, за чей столик подсел Турецкий, прервали свой щебет и стрельнули глазами в его сторону. Физиономия соседа показалась им привлекательной, потому что обе, словно невзначай, покосились в сторону зеркала, поправили прически, промокнули салфеточками накрашенные губы и принялись прихлебывать свой кофе маленькими глоточками.

Эти невинные знаки внимания заставили Турецкого почувствовать себя снова на коне.

«Зачем они так сильно красят волосы? – подумал он о своих соседках и вообще о всех нынешних девушках. – Ведь у них еще нет ни единого седого волоса. Искусственный цвет их старит. Им приходится часто пользоваться румянами, чтобы не выглядеть бледными на фоне собственных ярких шевелюр».

– Ты допила? – спросила «баклажанная» соседка свою «махогоновую» подругу.

– Да.

– Тогда идем.

Оживленно болтая, девушки подхватили свои художественные папки, сумочки и, бросив в сторону Турецкого прощальные взгляды, побежали к выходу.

Турецкий дожевывал котлету. Выпил сок. Посмотрел на часы.

Проходя мимо зеркала, взглянул на свое отражение и заметил, что спросонья надел к пиджаку не тот галстук. Пиджак был сегодняшней, то есть тот, который жена повесила на плечики перед его носом, чтобы утром он не искал, что надеть. А галстук он вытащил из шкафа вслепую и выглядел в нем теперь как попугай.

В машине он снял галстук, скатал трубочкой и сунул в карман пиджака. Затем аккуратно протер губкой туфли. Проходя по коридору Генпрокуратуры, он уже чувствовал себя свежим и бодрым, словно только что из дому.

Первым делом надо было доложить у Меркулова. Тому тоже выпала бессонная ночь.

Меркулов был у себя в кабинете.

Пока Турецкий докладывал о поездке на Рублево-Успенское шоссе и результаты осмотра квартиры покойной, Меркулов не задал ни одного вопроса. Сидел неподвижно, уставившись в одну точку где-то на полу сбоку от стола. Турецкий, сидевший лицом к окну напротив Мерку-

лова, впервые заметил, что подоконник в кабинете шефа густо заставлен горшками с цветами. Белая герань, фиалки, кактусы разных пород, и все усыпано цветами.

«У него новая секретарша», – решил про себя «важняк».

– Вот так обстоит дело в общих чертах, – вслух подвел он итоги.

Меркулов кивнул.

– Ты тоже думаешь, что покойная была лю... Что она была связана с Разумовским? – понижая на фамилии премьера голос до минимума, спросил Меркулов.

– Да. В этом нет ни малейших сомнений.

– Была или и сейчас ею являлась?

Вопрос был сформулирован без претензий на академичность грамматики, но суть Турецкий ухватил.

– Не знаю. Обыск в квартире еще продолжается. Ищем письма, записки, блокноты... Все, что может служить доказательством.

– Вот-вот. Это правильно.

Меркулов потер щеку, словно у него зуб заболел.

– Ненавижу я связываться с нашим правительством, – признался он. – Гнилое дело.

Турецкий не возражал. Дураку ясно, что гнилое.

– Саша, я тебе доверяю. Я знаю, ты сможешь...

И против этого Турецкий ничего возразить не мог.

Приятно, когда начальство в тебя верит.

– Максимально придерживай информацию. Как только об этом раструбят по телевизору, нам на хребет наступят железной пятой.

– Уже делаем, что можем.

– Вот еще что, – сказал Меркулов, – я не приказываю тебе это дело замять, но... Наверху народ сидит обидчивый. Всем кажется, что под них копают. Ты понимаешь?

– Понимаю, – согласился «важняк».

– Времени у нас в обрез.

– Понимаю, – подтвердил Турецкий.

– Если уже на этой неделе у меня не будет результата, нам не дадут работать.

– Постараюсь.

– Знаю, что постарайся, но старайся по-быстрому. А вообще, между нами говоря, я тебе сочувствую. Дохлый номер. Такие дела или сразу раскрываются, или вовсе не раскрываются, это уже мой личный опыт. Что тебе чутье подсказывает, это самоубийство?

Турецкий ничего не ответил.

– Ясно, – вздохнул Меркулов. – Когда нет никаких версий – это хуже всего. Ну, не буду задерживать. Успехов!

Задерживаться в своем кабинете Турецкий не стал. Покончив с бумажной работой, он вызвал машину и отправился обратно на квартиру Лебедевой, на Рублевку. По дороге он думал, что неплохо бы узнать результаты патологоанатомической экспертизы. Найден ли в крови алкоголь, наркотики, седативные препараты, антидепрессанты? Но раньше вечера получить результаты патологоанатомической экспертизы представлялось маловероятным, а терять столько времени на ожидание было не в характере «важняка».

Когда он прибыл, оказалось, что обыск в квартире подошел к концу, и все ожидают его возвращения, чтобы отчитаться. Только в гостиной, откуда выбросилась Лебедева, еще работали эксперты – собирали с пола, ковров, мебели микрочастицы грязи, ворса, ниток.

Совет держали в каминной. Турецкий с удобством расположился на двухместном диване. Никто не решился втереться в непосредственную близость к шефу – диванчик располагал

к слишком интимному соприкосновению. Посему «важняк» восседал в гордом одиночестве. Остальные бойцы устроились вокруг него кто где.

– Ну-с, дети мои? – потеряв ладони, начал Турецкий. – Я слушаю.

– Покойная Полина Павловна Лебедева, двадцати пяти лет, не работающая, проживала одна, прописана тоже одна, квартира принадлежала ей, куплена пять лет назад в агентстве недвижимости «Жуковка»... Смерть наступила, по предварительным данным, в час тридцать два ночи. Предварительная причина – самоубийство, выбросилась из окна одиннадцатого этажа своей квартиры. Характер внешних повреждений на трупе это подтверждает. Записки нет. В квартире порядок, следов борьбы нет, все ценные вещи, насколько можно судить, на месте.

– Родственники, друзья в Москве? Установили?

– Судя по всему, родственники у нее живут в Сибири. В паспорте ее место рождения – Омская область. Найдены ее письма матери в Омск и сестре во Владивосток. Вот адреса.

– Хорошо. Сообщите родителям о ее смерти. Пошлите телеграмму на омский РОВД. А что в Москве?

– Ее записная книжка, одна из нескольких, но эта лежала в сумочке – вероятно, последняя.

Турецкий взял в руки календарь-ежедневник, быстро пролистал. Имена, фамилии, номера телефонов в Москве. Иногда просто имена. Иногда просто номера телефонов. Фамилии выведены аккуратным почерком черным гелевым стержнем, номера телефонов – красным, для удобства. Никаких спешно нацарапанных каракулей, вкривь через лист второпях записанных номеров. Аккуратистка...

Турецкий почувствовал нехорошее сосание под ложечкой. Если так, то почему не оставила записки?

– Обзванивайте всех подряд, – приказал Турецкий, возвращая книжку. – Зайдите в тот фитнес-клуб, куда у нее абонемент, расспрашивайте тренеров, массажисток, знакомых по клубу. Она наверняка посещала какой-нибудь салон красоты, парикмахершу, маникюршу – узнайте где, всех расспросите. Парикмахерши знают про своих клиенток больше, чем вам кажется. Постарайтесь восстановить ее вчерашний день по часам и минутам: где была, с кем встречалась. Автоответчик прослушивали?

– Первым делом. Есть пара интересных сообщений. Установлены номера, с которых звонили.

– Хорошо. Начните с них. Кассету мне, в автоответчик – чистую, и записывать все поступающие звонки. Соседей опросили?

– Нет, ждали вас.

– Правильно. Еще что-нибудь интересное нашли? Наркотики, оружие? Лекарства?

– Ничего такого.

– На всякий случай все лекарства, какие нашлись в квартире, собрать в один мешок и отослать экспертам, – распорядился Турецкий. – Драгоценности?

– Никаких.

– Что, совсем никаких? – удивился «важняк».

– Совсем. Часы золотые, бижутерия... Вот, сами смотрите – это все, что нашли.

Турецкий задумчиво уставился на кучку дамской бижутерии. Серебро, дешевое золото, цирконий. Вещи художественные, со вкусом, но дешевка... Дешевка...

Нет, тут что-то не сходится.

– Тайников в квартире нет? – спросил Турецкий.

Минутное замешательство в рядах подчиненных.

– Вроде нет.

– Вроде? Не искали. Проверить немедленно все в квартире сверху донизу, стены, полы, потолки, цветочные горшки. – Турецкий кивнул на подозрительную кадку с рододендронам. – Без порчи имущества, разумеется!

– Так точно.

– Подождите, что-то еще хотел спросить... – Турецкий потер лоб, сосредотачиваясь. – Да! Вот еще что. Все документы, фотографии, видеокассеты, письма, записные книжки – все, все, где хоть одно слово написано ее рукой или упоминается имя сами знаете кого, – собрать в коробку. Я заберу с собой. Чеки из магазинов, записки к букетам, открытки, письма – все. Мусоропровод осматривали?

– Вывезли мусор ночью, – ответил меланхоличный голос.

– Плохо. В квартире мешки с мусором были?

– Есть. Просмотрели. Ничего подозрительного.

– Это я сам решу.

Турецкого отвели на кухню. Там на полу, на расстеленном целлофане, лежало аккуратно рассортированное содержимое помойного ведра Лебедевой. Турецкий наклонился и застыл над мусором в позе профессора археологии. Остальные притихли, как в детской игре «морская фигура на месте замри».

– М-да, – сказал наконец «профессор», разгибаясь. – Разбитый бокал. Отпечатки с него снимали?

Позорное молчание.

– Аккуратно снять.

Турецкий обвел взглядом кухню и одобрительно вздохнул: никаких гладильных досок вместо стола, никаких стульев-паучков. Покойная Полина Лебедева предпочитала классику.

Он открыл дверцу холодильного шкафа для вин, осмотрел бутылки – несколько початых. По следам порошка было заметно, что над бутылками изрядно поработал эксперт по дактилоскопии.

– Проверить, что было в разбитом бокале. Не совпадет ли с содержимым открытой бутылки.

Турецкий заглянул в посудомоечную машину. Увидел второй такой же бокал, тарелки – чисто вымытые.

– Следов пепла от сгоревшей бумаги в пепельницах не нашли?

– Нет.

– Коля, – Турецкий поймал подчиненного за фалду кожаного жилета, – если бы ты хотел что-нибудь сжечь, например письмо, любовную записку, перчатки – ты бы где это делал?

– В туалете, – не задумываясь, ответил подчиненный.

– В камине, – подсказал более сообразительный старший группы, уразумевший, к чему клонит «важняк». – В камине она могла сжечь.

– Смотрели? – обратился к нему Турецкий.

– Честно говоря...

– Так чего стоишь? Ладно, я пошел знакомиться с соседями. Когда вернусь, чтобы все барахло, которое я заберу с собой, было сложено. И тайник простучите... И остальное... Короче, увидимся.

Турецкий вышел на лестничную площадку.

Белые матовые стены, яркие светильники, мраморная плитка на полу, веселенькие коврики у дверей. Никаких металлических конструкций – фешенебельные дубовые двери, кованые чугунные детали. На одной двери глазок сделан в виде средневекового зарешеченного окна, на другой – кольцо в виде львиной головы с оскаленной пастью... Изысканно...

Турецкий подумал, что в любом другом доме новость о самоубийстве одинокой красивой соседки мигом собрала бы любопытную толпу жильцов, жаждущих поделиться с властями информацией.

В любом нормальном доме. Только не в этом.

Эти солидные двери, казалось, говорили: «Нас это не касается!»

В подъезде стояла тишина. Ни одного любознательного лица, ни одного праздношатающегося. Даже лифт двигался бесшумно.

Турецкий позвонил у двери с номером 124 под львиной чугунной головой. Подождал. Еще раз позвонил.

Дверь открыла пожилая дама, настроенная враждебно.

– Здравствуйте. Я из Генеральной прокуратуры, следователь по особо важным делам Турецкий.

Дама сдвинула со лба на нос очки и внимательно просмотрела книжечку удостоверения.

– В чем дело? – строгим голосом спросила она, сверяя фото в книжечке с физиономией незваного гостя.

– Вы знаете, что ваша соседка из сто двадцать пятой квартиры сегодня ночью погибла при трагических обстоятельствах? Я должен задать вам несколько вопросов.

Дама промолчала. Турецкий понял, что она знает новость, но не выдает своих чувств.

– А в чем дело? – повторила она, возвращая удостоверение.

– Мы так и будем в коридоре разговаривать? Может быть, я войду?

– Не имеет смысла. Вряд ли наша беседа затянется. Я ничего не знаю.

– Вы были знакомы с покойной?

– Нет.

– Но вы встречали ее на лестнице, не так ли? В лифте? У почтового ящика?

– Да.

– Здоровались?

– Иногда.

– Разговаривали о погоде?

– Никогда. Нет.

– Вы одна живете? – спросил Турецкий, едва сдерживая раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.